От автора бестселлера THE ONE. ЕДИНСТВЕННЫЙ

Езда на автомобиле… больше не будет ощущаться прежней рутиной.
LOS ANGELES TIMES

ПАССАЖИРЫ

**Восемь заранее отобранных жертв.
Кто выживет, кто погибнет?
Решать вам…**

ДЖОН МАРРС

Альфа-триллер

Джон Маррс

Пассажиры

«Эксмо»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Маррс Д.

Пассажиры / Д. Маррс — «Эксмо», 2019 — (Альфа-триллер)

ISBN 978-5-04-112592-9

Загадочный хакер взломал системы управления восьми самоуправляемых машин, с недавних пор ставших нормой для всех жителей Великобритании. Теперь он угрожает их пассажирам смертью. Среди его заложников – угасающая телезвезда; нелегальный иммигрант; молодая беременная женщина; муж и жена, едущие раздельно; ветеран военного конфликта; желающий покончить с собой мужчина; жена, сбегающая от своего тирана-мужа. Встроенные камеры транслируют их панику миллионам зрителей по всему миру. И теперь эти миллионы должны принять чью-то сторону. Потому что хакер уже открыл голосование: «Кто из них выживет в конце? И кто умрет первым?»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-112592-9

© Маррс Д., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог 7
Часть I 8
Глава 1 8
Глава 2 12
Глава 3 15
Глава 4 19
Глава 5 23
Часть II 28
Глава 6 28
Глава 7 31
Глава 8 35
Глава 9 38
Глава 10 41
Глава 11 43
Глава 12 48
Глава 13 50
Глава 14 53
Глава 15 56
Глава 16 58
Глава 17 60
Глава 18 62
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Джон Маррс
Пассажиры

Памяти Бриджетт Дрисколл,[1]
1851–1896

John Marrs
THE PASSENGERS
Copyright © John Marrs, 2019. First published by Del Rey in 2019,
Del Rey is part of the Penguin Random House group of companies

© Филонов А.В., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

UK
NEWS
Новости Великобритании
Палата лордов единогласно выступила в поддержку беспилотных транспортных средств на британских дорогах в ближайшие пять лет. Запрет на неавтономные транспортные средства должен вступить в силу через десятилетие.

Часть I

Глава 1
Клер Арден

< Заметки

1. Запрограммировать машину до офиса Бена.
2. Использовать приложение Uber с гостевой учетной записью. Настоящим именем не пользоваться.
3. Сесть на парковке Бена, поехать на работу.
4. Начать эсэмэсить Бену до полудня.
5. Позвонить его шефу около полудня.

Не успела входная дверь закрыться, как авто уже припарковалось перед домом Клер Арден, ожидая ее.

Она мешкала на крыльце, перечитывая заметки, сделанные в своем телефоне, пока не услышала негромкое «бип-бип-бип» сигнализации – это дом поставил себя на охрану. Искоса окинула взглядом пригородный объект недвижимости, как две капли воды похожий на множество других таких же в Питерборо. Сундрадж из двадцать седьмого дома был единственным из соседей, находившимся на улице; он направлял свою шумную малолетнюю семейку в минифургон, словно фермер, пытающийся перегнать овец с одного пастбища на другое. Заметив Клер, одарил ее полуулыбкой и таким же недоделанным взмахом руки. Она парировала тем же.

Ей припомнилась вечеринка прошлой весной в честь пятнадцатилетней годовщины Сундраджа и его жены Шибон. Они отметили это дело барбекю, пригласив чуть ли не всю улицу. Сундрадж улучил время пьяно припереть Клер к стенке – а точнее, преградить путь из ванной на первом этаже – и заявить, что если она со своим мужем Беном надумает пригласить в спальню третьего, то он открыт для предложений. Клер вежливо отказалась, и Сундрадж запаниковал, умоляя не говорить Шибон. Клер обещала, что не станет, притом совершенно не покривив душой. Даже Бену не сказала. Она была готова побиться об заклад, что у каждого на улице есть хоть один секрет, упрятанный от остального мира, и у нее в том числе. Особенно у нее.

Пока автомобиль Сундраджа выбирался из «кармана», Клер проделала ряд глубоких успокоительных вздохов, с тревогой глядя на собственное авто. Прошло уже три недели с тех пор, как Бен подписал договор лизинга, а она все никак не освоится с множеством новых функций в машине. Самый большой контраст между ней и их прошлым автомобилем – полное отсутствие рулевого колеса, педалей и опции перехода на ручное управление. Авто совершенно беспилотное, и это ее страшит.

Они зачарованно смотрели, как машина прибыла, доставив себя к их дому и припарковавшись на подъездной дорожке. Уловив тревогу и неприятие Клер, Бен заверил ее, что авто может управлять любой, даже она, и что оно оборудовано «защитой от дураков». Они уже персонализировали свои настройки через приложение, так что в ответ Клер с прищуром двинула

его кулаком в руку. Бен запротестовал, что вовсе не имел в виду, будто она и есть упомянутая дура.

– Мне не нравится быть не у руля – и в прямом, и в переносном смысле, – поведала Клер Бену во время первой поездки на прием к врачу. И ухватилась за сиденье, когда авто помигало поворотником и обогнало одного из собственных сородичей.

– Это потому что ты помешана на контроле, – заметил Бен. – Тебе надо научиться доверять тому, что не в твоей власти. И потом, страховка стоит всего ничего, а нам ведь надо отложить немного денег, разве нет?

Клер неохотно кивнула. Будучи по природе дотошным и скрупулезным, Бен потратил порядком времени и сил, подыскивая автомобиль, в точности вписывающийся в их переменчивые обстоятельства. И она рада была видеть, как после нескольких адских месяцев муж снова становится прежним собой. Он пытался вовлечь ее в процесс, предлагая выбрать цвет кузова и ткань обивки сидений, но Клер лишь отмахнулась от его женоненавистнического предположения, что покупка автомобиля – «дело мужское» и всё, кроме эстетики, выше ее понимания. В последние дни она то и дело ловила себя на том, что набрасывается на него без повода с его стороны, в чем тут же и раскаивалась. Но это не мешало ей срываться снова и снова, и она уже побаивалась, что ее тихое негодование на него всплывает все ближе к поверхности…

Задок машины на миг приковал к себе взгляд Клер, прежде чем тупой пинок по почкам вывел ее из задумчивости.

– С добрым утром, – шепнула она, потирая огромный округлившийся живот. Этим утром Малютка Тейт напомнил о своем существовании впервые. Этим прозвищем его наделили, когда акушерка уведомила их, что он весит около фунта и такого же размера, как пакет сахара «Тейт энд Лайл». Впрочем, шутливое прозвище как-то прижилось, и они начали подумывать о нем всерьез.

Если все пойдет по плану, через два месяца Клер станет первороженицей. Доктор Бэркло предупредил, что со своим повышенным артериальным давлением она обязана исключить из своей жизни любые стрессы. Легко сказать! А уж выполнить… в последние пару часов это стало и вовсе невозможно.

– Ты справишься, – сказала вслух Клер, открывая дверцу авто. Поставила сумочку на правое переднее сиденье и поместила себя в автомобиль кормой вперед. Ее живот начал выпирать куда раньше, чем у подруг, когда те были беременны, и порой Клер казалось, что она вынашивает слоненка. Тело непрестанно перечило само себе – в одних местах усыхало, зато в других распухало так, что, того и гляди, лопнет.

Нажав на кнопку закрывания дверцы, Клер повернула голову для сканирования сетчатки. Быстрым взором окинув свой облик, заметила, что ее голубые глаза окружает розовато-белая кайма, а темные круги под ними виднеются и сквозь тональный крем. Свою белокурую челку Клер сегодня утром не поправляла, и та висела как попало, ниспадая на брови.

Как только сканирование подтвердило, что Клер – зарегистрированный Пассажир, электродвигатель бесшумно ожил, а центральная консоль приборной доски и операционная система расцвели синими и белыми огнями.

– Работа Бена, – произнесла Клер, и на экране появилась трехмерная карта пути от дома до офиса в нескольких милях за городом.

Едва машина тронулась, Клер буквально подскочила, потому что из динамиков без всякого предупреждения рявкнул плей-лист рок-хитов 1990-х. Клер претили и ужасающие музыкальные предпочтения Бена, и громкость, на которой он их проигрывал. Но ей еще надо разобраться, как отключить его потоковое вещание и создать собственный список воспроизведения. А потом, когда зазвучали вступительные такты старой песни группы «Арктик Манкиз», излюбленной Беном, Клер не сумела удержаться от слез. Он знал ее наизусть от слова до слова.

– Зачем ты с нами так? – запричитала она. – Почему именно сейчас?

Утирая глаза и щеки ладонями, выключила музыку, оставшись в зловещей тишине машины, продолжавшей следовать по маршруту. Еще раз пробежалась по списку дел; столько еще надо переделать до полудня, чтобы все удалось… Она то и дело напоминала себе, что делает все это ради правого дела; все это ради Тейта. И как бы сильно она ни жаждала встречи с ним, крохотная частичка ее души желала, чтобы он вечно оставался в безопасности внутри нее, где она сможет продолжить защищать его от жестокого мира.

Клер поглядела сквозь ветровое стекло как раз в тот момент, когда автомобиль неожиданно свернул вправо, а не влево, в противоположном направлении от офиса Бена в предместьях Питерборо. Прищурилась, вглядываясь в карту маршрута навигационной системы, в полной уверенности, что запрограммировала ее правильно. Потом вспомнила слова Бена, что иногда, узнав о пробках впереди, беспилотные авто избирают альтернативный маршрут. Клер лишь уповала, что от этого поездка не слишком затянется. Чем раньше она сможет покинуть это авто, тем лучше.

Внезапно консоль погасла. Поколебавшись, Клер постучала по ней, нажимая разные пиктограммы наугад в попытке найти способ перезагрузить ее. Без толку.

– Проклятье, – буркнула она под нос. Надо же, чтобы из всех дней оказаться внутри неисправного автомобиля именно сегодня! Авто выбрало иной маршрут, на сей раз покатив по съезду к автостраде, которая уведет еще дальше от цели, это Клер знала точно.

И забеспокоилась.

– Что происходит? – спросила она вслух, про себя проклиная решение Бена, уговорившего взять машину без перехвата управления. Принялась снова наобум тыкать кнопки в уповании на какую-нибудь случайность, которая позволит ей восстановить контроль и приказать машине остановиться.

– Запрограммировано альтернативное место назначения, – раздался вкрадчивый женский голос, в котором Клер узнала голос операционной системы автомобиля. – Ведется перерасчет маршрута. До места назначения два часа тридцать минут.

– Что?! – опешила Клер. – Нет! Куда мы едем?

Зная, что машина останавливается перед светофорами, она усмотрела в этом шанс улизнуть. Поспешно отстегнула ремень безопасности и стукнула по кнопке отпирания дверей. Главное выйти, а уж там она сможет собраться с мыслями и пересмотреть план. Понимая при этом, что, какая бы альтернатива ни подвернулась, покидать авто без присмотра нельзя ни в коем случае. Однако дверь не поддалась. Клер давила на кнопку снова и снова, крепче и крепче, но без толку. Малыш брыкнулся снова.

– Все будет в норме, все будет в норме, – твердила она, пытаясь убедить обоих, что сумеет отыскать выход.

Повернув голову к соседней машине, стоящей перед светофором, Клер замахала руками, пытаясь привлечь внимание водителя, но тот был слишком поглощен фильмом, воспроизводимым на его широком смарт-экране. Она махала лихорадочнее и лихорадочнее, пока наконец не поймала его взгляд. Он повернул голову к ней, но ее окна в мгновение ока из прозрачных стали матовыми. Кто-то удаленно включил контроль приватности, чтобы никто не увидел ее отчаянного положения.

Клер наконец сообразила, в чем дело – ее машину контролирует кто-то другой, – и ее охватил ужас.

– Доброе утро, Клер, – вдруг прозвучал из динамиков мужской голос.

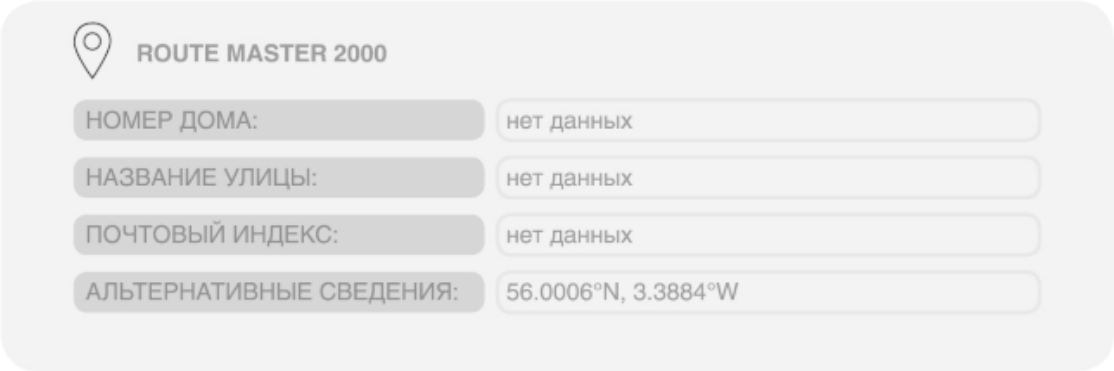
Она непроизвольно вскрикнула. Голос был спокоен и не напряжен, чуть ли не дружелюбен, но совершенно однозначно нежелателен.

– Возможно, ты уже обратила внимание, что твой автомобиль больше тебе не подчиняется, – продолжал он. – Отныне и впредь твоя участь в моих руках.

– Кто вы? – вопросила Клер. – И чего хотите?

– Ни то, ни другое сейчас роли не играет, – ответил голос. – На данный момент тебе нужно знать лишь одно: через два часа тридцать минут ты с большой вероятностью будешь мертва.

Глава 2
Джуд Харрисон



Взгляд Джуда Харрисона был прикован к зарядному шнуру, тянущемуся от стены и воткнутому в решетку радиатора машины.

Он толком не представлял, ни сколько уже просидел в автомобиле, таращась на пункт зарядки, ни чем тот так пленил его внимание. Осознав, что напрочь утратил счет времени, посмотрел на часы на приборной доске. Чтобы не выбиться из графика, надо скоро трогаться. Стрельнул глазами на индикатор батареи – до полного заряда осталось десять минут. Для всех поездок полный заряд ему и не требуется, но, когда заряд ниже трех четвертей, у Джуда всякий раз разыгрывается мандраж.

Большинство прочих автомобилей на парковке супермаркета заряжаются куда умнее, чем его корыто, используя бесконтактные нагнетательные зарядники, встроенные в асфальт перед светофорами, в объезды, парковочные места и даже автомобильные фастфуды. Джуд свое беспилотное авто приобрел в самом начале распропагандированной правительственной «дорожной революции». Лег спать водителем, а проснулся уже Пассажиром – человеком, в автомобиле которого нет перехвата управления на ручное. Авто принимает все решения самостоятельно. По сравнению со многими, его модель уже устарела и скоро перестанет автоматически загружать софт, служащий для управления, тем самым вынудив Джуда на апгрейд. Ему предлагали различные финансовые стимулы для покупки более продвинутой высокотехнологичной модели, но он отказался. Тратить деньги на то, что ему понадобится лишь ненадолго, просто бессмысленно.

Желудок издал глубокое утробное урчание, напоминая, что тоже нуждается в питании. Джуд понимал, что должен питаться, чтобы поддерживать энергию на уровне и продержаться все утро, но аппетита почти не испытывал – даже к шоколадным батончикам, которые держал в боковых карманах багажа, лежащего на задних сиденьях. Покинув авто, направился в супермаркет, но к туалетам, а не к продуктовым рядам. Там опростал кишки, вымыл руки и лицо и осушил их под настенной сушилкой. Извлек из кармана одноразовую зубную щетку, заправленную пастой, начинавшей пениться при контакте со слюной, и принялся чистить зубы.

Резкий свет лампы над зеркалом бликовал на его скальпе, подчеркивая, насколько поредели волосы у лба. Недавно Джуд начал подстригать волосы вместо того, чтобы делать укладку в попытке скрыть залысины. Он помнил, как отец предупреждал их с братом, что начал лысеть еще под тридцать, а Джуд пошел по его стопам. Друзья прибегают к медикаментам, чтобы удержать свои волосы на месте; Джуд отверг этот подход вкупе со всеми популярными косметическими ухищрениями. Даже не стал выправлять два нижних зуба, выросших домиком, из-за чего он всегда улыбался, не размыкая губ.

Это была лучшая часть недели с той поры, как он в последний раз прошелся по лицу бритвой, отчего его оливковая кожа потемнела еще больше. Несмотря на утомление, белки глаз оставались яркими, делая зеленые радужки похожими на спелые яблоки. Положив ладони на футболку, Джуд пальцами отследил контур живота и ребер. Понимая, что за последний месяц порядком подрастерял вес, возложил вину на прессинг уймы дел, которые надо было организовать, чтобы этот день увенчался успехом.

Бросил взгляд на запястье, чтобы узнать время, – позабыв, что давным-давно распростился с наручными часами. Они собирали сведения о его пульсе и температуре, чтобы установить уровень его метаболизма, кровяного давления и множество других диагнозов, информация о которых его ни в малейшей степени не интересовала. Ему незачем считывать циферки с дисплея, чтобы узнать, что уровень его стресса взмыл до небес.

Вернувшись в машину и с удовлетворением отметив, что батарея полна под завязку, Джуд отстыковал зарядник и сделал первый из ряда глубоких вдохов, прежде чем забраться внутрь и проинформировать активируемую голосом операционную систему автомобиля о следующем месте назначения.

Авто принялось колесить по пригородным дорогам на скорости не более двадцати четырех миль в час, а Джуд припомнил, как радовался, когда автомобиль был всецело в его власти. Экзамены на вождение он сдал в день семнадцатилетия, и тогда это казалось ему величайшим достижением на свете, дарившим столь вожделенную свободу. Он мог, когда вздумается, покинуть тесные пределы поселка, где родился и вырос. Больше не требовалось полагаться на нерегулярный график автобусов, родителей или старшего брата, когда надо было взглянуть на окружающий мир. И Джуд никак не мог сжиться с тем, что в эти дни четырнадцатилетние детишки уже становятся Пассажирами полностью автономных автомобилей. Как-то это смахивает на мухлеж…

А еще он помнил время, когда подобных дорог по утрам приходилось избегать. В час пик они были буквально забиты машинами, теснившимися бампер к бамперу. Теперь же тачки плавно скользят по улицам, общаясь между собой по сети внутренней связи ради сокращения узких мест и заторов. Как ни претят ему эти авто, в обладании одним из них есть определенные преимущества.

Изрядную часть приборной доски машины занимают звуковая панель и большой интерактивный OLED-экран, на котором можно все контролировать по собственному выбору – от просмотра телевидения до электронной почты, социальных сетей и чтения материалов. Джуд прокручивал экран вниз, пока не нашел синюю папку, озаглавленную «Семейные праздники». Внутри выбрал подпапку «Греция», и появилась подборка видеороликов. Он выбрал ролик «Ресторан» и нажал на кнопку воспроизведения.

Картинка сверхвысокого разрешения была кристально ясной, словно Джуд пребывал там, расслабившись в шезлонге на террасе ресторана под бочком у Стефени, укутанный в теплый джемпер, пока они наслаждались закатом солнца, опускавшегося за просторный горизонт. Камера медленно пропанорамировала слева направо, сделала наезд на полумесяц залива и необитаемые островки впереди. Несколько облачков над ними были озарены голубыми и оранжевыми тонами, но отбрасывали на островки тень.

– Видишь судно вдали? – послышался ее вопрос. – Вон там, за островом. Корма едва виднеется.

– Ах да, теперь вижу, – ответил Джуд вслух, вторя записанной реплике. Он знал сцену наизусть, и ее ответ произнес тоже, беззвучно, одними губами.

– Однажды мы забронируем поездку на кругосветном круизном лайнере, – сказала она. – И тогда пенсию проведем, любуясь закатами в каждом океане и на каждом материке. Как тебе такое?

– Идеально, – ответил Джуд. – Просто идеально.

Лишь в последние годы он постиг, что идеал – концепция неосуществимая.

Закрыв папку, Джуд с помощью экрана понизил температуру в салоне. Весеннее утро оказалось теплее, чем предсказывал прогноз. Однако дисплей упорно продолжал показывать двадцать семь градусов.

– Машина, – начал он, поскольку, в отличие от большинства владельцев, не персонализировал операционную систему, наделив ее именем, – включи кондиционер воздуха.

Ничего не произошло. Как правило, автомобиль послушно исполнял любое задание и был запрограммирован на распознавание только голоса Джуда.

– Машина, – повторил он более жестко, – подтверди мой запрос.

И опять ничего.

Выругав глюк софта, Джуд закатал рукава рубашки. Потом, достав беспроводную клавиатуру из бокового кармана дверцы, вошел в систему и принялся составлять электронное письмо. Он решил напечатать его, предпочитая старомодные средства, вместо того чтобы надиктовать текст или послать видеограмму.

«Дорогие все, – начал он, – прошу прощения за безличную природу этого электронного письма, но…»

– Доброе утро, Джуд.

– Блин! – вслух выпалил он, выронив клавиатуру в нишу для ног, и окинул свой автомобиль взглядом, словно ожидал обнаружить спрятавшегося где-нибудь второго Пассажира.

– Как ты сегодня? – продолжал голос.

– Хорошо… спасибо, – ответил Джуд. – Кто это и как вы узнали мой номер?

Он стал взглядом искать пиктограмму телефона на экране, но тот был выключен.

– Мне нужно, чтобы ты слушал внимательно, Джуд, – невозмутимо продолжал голос. – Приблизительно через два с половиной часа ты умрешь.

Джуд быстро-быстро заморгал.

– Что вы сказали?

– Пункт назначения, запрограммированный в твой GPS, вот-вот будет замещен альтернативным местоположением по моему выбору.

Взгляд Джуда метнулся к приборной доске, где на экране появились новые координаты.

– Серьезно, что за дела? – спросил он. – Кто вы?

– Дополнительные подробности скоро последуют, но пока что, пожалуйста, откинься на спинку сиденья и насладись этим чудесным весенним утром по полной, поскольку оно, весьма вероятно, будет для тебя последним.

Внезапно окна приватности переключились с прозрачных на матовые, а значит, никто снаружи не увидит, что он оказался внутри в ловушке.

Глава 3
София Брэдбери

– Скажи же мне, куда я должна ехать, потому что я ни хрена не помню! – вскинулась София Брэдбери.

– Опять? – раздраженно буркнул Руперт.

София была не в настроении терпеть снисходительность. Обезболивающие и противовоспалительные таблетки, проглоченные ею на завтрак вкупе с бокалом бренди, почти ни на йоту не ослабили докучливый остеоартроз позвоночника в области поясницы. Не способствовала благодушию и неисправность ее слухового аппарата, делавшая некоторые слова почти неразборчивыми.

– Больница, помнишь? – продолжал Руперт с нотками изнеможения. – Пожалуйста, заверь меня, что ты сейчас в машине.

– Нет, я в долбаном космическом корабле… Где еще я, по-твоему?

– Я пошлю адрес на твой GPS.

– На мой что?

– О господи! На карту у тебя на экране.

На глазах у Софии на центральной консоли появились координаты и начался расчет маршрута, которым автомобиль должен был доставить ее из дома в лондонском Ричмонде. Дверцы машины в стиле «крыло чайки» автоматически заперлись, и автомобиль тронулся в путь, нарушая тишину лишь хрустом гравия на ее длинной подъездной дорожке под толстыми протекторами шин.

– Напомни, зачем я туда еду? – спросила София.

– Я уже говорил ей раз сегодня утром, – едва расслышала она слова Руперта. Должно быть, обращается к манерному женоподобному мальчонке, стажирующемуся у него в офисе. Руперт меняет ассистентов с настораживающей регулярностью, подумала София, и все они на одно лицо – куцые маечки, куцые джинсики и куцые торсики.

– Руперт, ты мой агент и мой же пресс-атташе; если я задаю вопрос, то рассчитываю на ответ.

– Просто автограф-сессия с юными раковыми пациентами.

– Ах да! – В сознании шевельнулось беспокойство, заставившее ее наморщить лоб, но мимические мышцы до сих пор были слишком парализованы после визита к дерматологу на прошлой неделе, чтобы ощущалось хоть какое-то движение выше рта. – Это не одно из тех мероприятий, где никто не знает, что я за хрен с горы, а?

– Нет, конечно же, нет.

– Не «конечно же неткай» мне, будто такого еще и в помине не было. Помнишь, как я отправилась в ту школу в Ковентри, а они все были слишком юны, чтобы узнать меня? Это было унизительно. Они думали, что я – жена Санта-Клауса.

– Нет, как я объяснял тебе раньше, это группа пациентов младшего подросткового возраста, и меня заверили, что все они – безумные фанаты «Пространства и времени».

– Я закончила сниматься в нем десять лет назад, – отмахнулась София.

– Нет… неужто так давно?

– Может, мне и семьдесят восемь, но я еще не впала в дерьмовый маразм. Я помню это ясно как день, потому что это был последний раз, когда ты добыл мне актерскую работу на телевидении в прайм-тайм. Такое вряд ли забудешь, правда?

Хоть она и читала сценарий десятки раз, даже в ходе съемок София не имела ни малейшего понятия о сюжетной линии этого популярного научно-фантастического сериала. Единственное, что она ухватила, играя на зеленом фоне – и удирая от человека за кадром с теннисным мячом на палке, – так это то, что в кадр во время постпроизводства будет добавлена голова инопланетянина. А уж готовый продукт София и вовсе не видела. Она редко смотрела собственные работы, особенно в преклонные годы. Видеть собственное обветшание не доставляло ей ни малейшего удовольствия.

В последнее время актерская работа подворачивалась лишь эпизодически, а роли предлагали отстойные. София пыталась сохранять значимость, отказавшись от гонорара за горстку студенческих кинопроектов и колеся по стране ради востребованных региональных постановок «Макбета» и «Бури». Еще ей предлагали громадные денежные суммы за вступление в актерский состав двух многосерийных мыльных опер. Но идея играть старушек, выряженных в вещи, отданные на благотворительность, и почти без грима, как-то ее не тешила, и от обеих ролей она отказалась без колебаний. А вместо того подняла свой дух, подтянув подбородок и груди с помощью скальпеля хирурга с Харли-стрит[2]. Теперь единственными красноречивыми свидетельствами ее истинного возраста остались лишь морщины и складки на тыльных сторонах кистей рук.

– Ой, Оскар, что ты ел?! – пожурила она спящего белого померанского шпица, лежавшего у нее под боком, и попыталась отогнать испущенный им ядовитый смрад ладонью. Ненадолго открыв один карий глаз, он поплотнее придвинулся к ее бедру и снова закрыл его.

Расстегнув защелку своей винтажной сумочки «Шанель», София достала зеркальце. Наложила на губы новый слой розовой помады, ставшей ее фирменной фишкой, с неудовольствием наблюдая, как та набирается в вертикальные морщины под носом. Нахмурилась, заметив, как выцвели ее серые глаза, и мысленно сделала пометку попросить ассистента Руперта поискать медицинские процедуры, способные убрать этот млечный оттенок. При виде собственного фасада с подправленными скулами, накладными волосами и увеличенными грудями у нее в голове пронеслось, что от прежней Софии Брэдбери, пожалуй, остались лишь ее амбиции.

– У тебя нет для меня никаких новых сценариев на почитать? – осведомилась она у Руперта.

– Парочка подоспела, но я не думаю, что они тебе подходят.

– Может, судить об этом лучше мне самой?

– Что ж, одна роль пожилой проститутки на последней стадии рака в многосерийной больничной мелодраме, а вторая – в музыкальном видео для девчачьей группы. Ты должна… играть привидение.

[2] На этой улице в центре Лондона исторически обосновались наиболее известные и дорогие частные врачебные практики.

– Ох, господи помилуй, – вздохнула София. – Значит, они хотят, чтобы я либо покоилась на смертном одре с раздвинутыми ногами, либо вернулась из гроба… Порой мне невдомек, какой во всем этом сраный смысл.

– Сейчас пришлю экспликации в машину, и ты сможешь почитать их по пути.

Едва София успела поднять глаза, как очертания символов уже нарисовались для просмотра на ветровом стекле, по щелчку переключателя превращавшемся из стекла в панорамный монитор и телеэкран. Ей понадобилось пробежать глазами лишь первые пару строк описания каждого персонажа, чтобы отвергнуть их.

Нуждалась она отнюдь не в гонорарах, а в признании и преклонении. И ежегодного появления на научно-фантастических конвенциях и в телевизионных ток-шоу отнюдь не достаточно. Ее бесило, что Британская академия кино и телевидения еще не предложила ей пожизненное членство, хотя София впервые ступила на подмостки в возрасте семи лет.

«Знают ли они? – внезапно задалась она вопросом. – Не разошлись ли слухи? Может, БАКТ ведает о том, что ты натворила, и наказывает тебя?» Она ненавидела этот внутренний голос, преследующий ее уже почти четыре десятка лет. И изгнала его из мыслей так же быстро, как он всплыл.

София погрузила свою саднящую спину в сиденье и нажала кнопку, чтобы промассировать ее глубоко проникающей вибрацией. Налила себе еще бокал бренди из подлокотника с холодильником. И решила, что самое лучшее в беспилотных авто – возможность пить за рулем, не нарушая закона. Провела своими наманикюренными ногтями по бархатной опойковой обивке. Потом постучала по эбеновым панелям и погрузила босые ноги в толстый перуанский ковер из шерсти викуньи. Распростившись с водителем, София смогла позволить себе лучший в своем классе «Империал GX70» – самый дорогой из выпускаемых автономных автомобилей. Ей было невдомек, как работает беспилотное авто, да и наплевать, лишь бы Руперт дистанционно устроил ее доставку из пункта А в пункт В ко времени, а остальное не важно.

– Руперт? – неуверенно спросила она. – Ты еще здесь?

– Конечно. Чем могу помочь?

– А мой… ну… *Патрик*… присоединится ко мне сегодня?

– Да, его учетная запись по-прежнему подстыкована к твоему дневнику. Он выразил интерес в участии, так что я забронировал машину, чтобы та захватила его с поля для гольфа. Он встретится с тобой в больнице.

София позволила ответу Руперта повиснуть в воздухе, понимая, какие осложнения может вызвать появление ее мужа.

– Я переговорю с тобой позже, – негромко проронила она и, не дожидаясь ответа, дала отбой. И только тут спохватилась, что впилась ногтями в ладонь чуть ли не до крови.

– Доброе утро, София, – раздался незнакомый мужской голос.

Она воззрилась на консоль, предположив, что случайно коснулась чего-то, и ответила на телефонный звонок.

– Руперт? К чему этот дурацкий голос?

– Это не Руперт, – возразил голос. – И вы можете удивиться, узнав, что ваш автомобиль больше не под вашим контролем.

– Он никогда и не был под моим контролем, дорогуша, – рассмеялась София. – Вот зачем мне *люди.* Чтобы заправлять всем для меня.

– Увы, я не один из ваших людей. Однако я заправляю местом вашего назначения.

– Вот и умничка. А теперь не мог бы ты быть любезен перестать валять дурака и дать мне Руперта?

– Руперт тут совершенно ни при чем, София. Я запрограммировал вашу машину нынче утром прокатить вас по альтернативному маршруту. А через два часа тридцать минут вы вполне можете стать покойницей.

– Я читала сценарий, дорогуша, – вздохнула София. – Я не буду играть говенную подыхающую шлюху в больничной мылодраме в субботу вечером. Я – София Брэдбери и считаю, что София Брэдбери заслуживает большего.

– Скоро вы опять меня услышите.

Авто снова умолкло.

– Алло! Алло!

София поглядела на карту на ветровом стекле – и только тогда, увидев пиктограммы M25 и M1, осознала, что покидает Лондон и направляется на север, а не к больнице в Эссексе.

– Руперт! Руперт? Бога ради, что происходит?!

И вдруг она с прищуром склонила голову к плечу, словно до нее дошло. Губы ее расплылись в широкой ухмылке.

– Руперт, коварный ты чертенок, это ведь твоих рук дело, правда? Ты таки пристроил меня в эту программу…

Сдвинувшись на край сиденья, ощутила прострел в спине. И, поморщившись, огляделась.

– Где же они спрятали камеры? Или просто используют ту, что в приборной панели?

Было всего три телевизионных реалити-шоу, об участии в которых София когда-либо подумывала всерьез. Однако попытки Руперта организовать встречу с продюсерами снова и снова наталкивались на решительный отказ. Софию считали слишком не в форме для танцев и слишком старой для пребывания в перуанских джунглях в течение месяца. Но «Звезды против Фортуны» – новый ультрапопулярный сериал, о котором все только и говорят и в котором жаждет появиться каждый представитель шоу-бизнеса, чья карьера забуксовала.

Во вступительном эпизоде каждой серии десять знаменитых лиц без предупреждения выхватывают из повседневной рутины. Умыкают в неизвестном направлении, чтобы они посостязались в ряде физических и интеллектуальных упражнений. Камеры регистрируют каждое их движение в течение недели. Год назад София с завистью смотрела, как Трейси Фентон, конкурировавшая с ней в актерском ремесле больше четырех десятилетий, оказалась одной из горстки избранных. Ее тоже захватили в машине, и взлет ее популярности привел к ее ангажементу в две популярнейшие сетевые драмы. А теперь выясняется, что продюсерам «Звезд против Фортуны» нужна София…

Она крепко сжала кулаки, чтобы сдержать рвущееся из груди ликование, – ее возвращение неминуемо, она прямо-таки носом чует. И отнюдь не в роли стареющих бабулек в мыльных операх. А просто, будучи собой, заблистает в домах, автомобилях, телефонах и на планшетах что ни вечер всю неделю напролет.

София снова извлекла из сумочки зеркальце, чтобы проверить макияж под каждым углом, подмазывая, растушевывая и подводя, где требовалось. Потом приняла еще таблетку обезболивающего, запив его солидным глотком бренди.

– Вот оно, Оскар, – проговорила она с гордостью, лаская голову шпица. – Мамочка на пути обратно к вершине. Вот погоди, увидишь.

Запечатлев на губах неколебимую улыбку, София посмотрела прямо в камеру, впервые за годы без страха взглянув на собственное изображение, появившееся перед ней на экране.

Глава 4
Сэм и Хайди Коул

EncycloWorld

Главная страница
Содержание
Избранные материалы
Текущие события
Статья наугад
Сделать пожертвование
В магазин

Взаимодействие

Помощь
Об Encycloworld
Сообщество
Изменения
Контактная информация

Годовщина свадьбы

Материал из EncycloWorld – свободной энциклопедии

Своими историческими корнями празднование **годовщин свадьбы** восходит к **Священной Римской империи**. Подарки к годовщине варьируются от страны к стране, но некоторые имеют весьма устоявшиеся традиции в большинстве стран. Десятая: **Оловянная, алюминиевая**

Содержание [**скрыть**]

1 **Годовщина свадьбы**
2 **Священная Римская империя**
3 **Олово**
4 **Алюминий**

– Ты уверена, что твои родители ничего не запланировали на этот день? – спросил Сэм. – Твоя мама безнадежна, когда необходимо вспомнить, что она вызвалась побыть нянькой.

– Да, уверена, – ответила Хайди. – Я уже внесла дату в семейный календарь, чтобы ей выдавалось текстовое предупреждение все предыдущие дни. А вот ты-то как? Точно вернешься в Лутон к тому дню?

– Угу. Должен.

– И когда же ты собираешься мне поведать, что ты там организовал?

– Никогда. Сколько можно повторять, это сюрприз.

– Ты же знаешь, что я терпеть не могу сюрпризы.

– Большинство женщин их обожают.

– Большинство женщин не служат в полиции, а при моей работе сюрпризы обычно ничего хорошего не сулят.

– Тогда пусть этот раз будет исключением. Для разнообразия положись на мужа полностью.

Хайди чуть было не рассмеялась, но сдержалась, вместо того закончив подпиливать ногти и припомнив прошлогоднюю попытку – рыбный ужин в местном пабе. Денег было в обрез, так что высказывать разочарование вслух она не стала. А много месяцев спустя совершенно случайно наткнулась на причину их финансовых затруднений, но предпочла оставить эти сведения при себе.

Она проверила время прибытия по приборной доске авто – до места еще двадцать минут. Ей требовалось чем-нибудь отвлечь себя от мыслей о предстоящем, и Хайди решила накрасить ногти. Открыла свою сумочку и извлекла белый лак трех оттенков.

– Какой мне взять? – спросила она, поднеся их к глазку камеры на приборной доске.

На автомобильной консоли увидела, как Сэм внимательно разглядывает каждый пузырек.

– Белый, – ответил он, сунув в рот еще одну ложку теплой каши из кастрюли «Таппер-уэр». Хайди терпеть не могла быть утренним Пассажиром в его автомобиле – тот разил либо овсянкой на молоке, либо хорошо прожаренным беконом.

– Какой из белых? – не отступила она. Увидела, что Сэм заколебался, словно инстинкт подсказывал ему, что это проверка.

– Тот, что слева.

– Хорошая память. Как раз этот я и выбрала для нашей свадьбы.

– Я ни за что не забуду.

Хайди знала, что муж врет, – потому что соврала сама. В тот день лак у нее был младенчески-розовый. Недавно она поймала себя на том, что испытывает Сэма все чаще и чаще, по поводу самых незначительных и безобидных вопросов – просто чтобы поглядеть, сколько он готов насочинять.

– Этот цвет всегда напоминает мне, как я сидела с Ким и Лизой в маникюрном салоне, – продолжала Хайди, высасывая из пальца прямо по ходу. – Мы довели владелицу до безумия, старясь решить, какой оттенок выбрать. Ким твердила, что надо взять цвет слоновой кости в тон платью, но мне хотелось чего-нибудь более искристого.

– Ты сделала верный выбор. Ты выглядела изумительно.

Хайди пыталась прочесть его улыбку, тихонько надеясь, что она искренняя. Она помнила, как Сэм ждал ее у церковного алтаря, повернув голову, когда органист заиграл вступительные такты вагнеровского свадебного хора, и как протер глаза, увидев ее. Даже сейчас, после всего случившегося, она отдала бы все на свете, только б возродить эти давние сказочные моменты их отношений, пусть даже на миг…

– Помнишь, где было наше первое свидание? – спросила Хайди.

– Конечно. В рыбном ресторане на главной улице Олдборо.

– Нет, это было на второй раз.

– Первый раз не в счет, тогда мы просто встретились.

– Это верно, ты был на адском мальчишнике.

– Шафер Боба забронировал для нас всех два жилых прицепа, стоящих на приколе в парке, битком набитом пенсионерами, а единственный клуб в городишке закрывался в одиннадцать. Потом я увидел тебя и твоих подруг, возвращающихся в кемпинг, и не успел и оглянуться, как мы уже всю ночь потягивали из горла итальянское игристое, глядя, как солнце поднимается над пляжем.

Хайди ощутила, как лицо обдает жаром, точь-в-точь как тогда, когда Сэм наклонился к ней, чтобы поцеловать в первый раз. Тогда, после краха брака ее родителей, она не верила в «жили долго и счастливо». И даже подумать не могла, что способна влюбиться настолько крепко и стремительно…

Теплое чувство развеялось так же быстро, как и появилось. Хайди легонько подула на ногти одной руки, прежде чем приступить к накрашиванию другой.

– Кто бы тогда подумал, что однажды мы будем праздновать десятую годовщину? – произнесла она.

– Я – потому что не встречал больше никого, настолько настроенного на ту же волну, что и я. Я ни за что не мог тебя отпустить. И пока не забыл: помимо ножовки, чтобы избавиться от кандалов, что мы должны купить друг другу на праздник?

– Что-нибудь оловянное.

– Значит, если б я преподнес тебе жестянку спагетти в томатном соусе в подарочной обертке, ты была бы довольна?

– Вот только попробуй – и увидишь, сколько потребуется времени проктологу для ее хирургического извлечения из твоей задницы.

– И что же было в том современном списке подарков на годовщину, что ты нагуглила?

– Бриллианты. Очевидно, они по-прежнему лучшие друзья девушек.

– А я-то думал, я твой лучший друг…

«Был, – мысленно отозвалась Хайди. – Когда-то ты был для меня всем».

Она увидела, как Сэм галстуком протер очки. Когда они впервые встретились, он очков не носил; впрочем, тогда его борода и волосы были без проседи, да и кожа у глаз не сбегалась морщинами, когда он смеялся. Хайди задумалась, следит ли он за ее возрастными изменениями, как она следит за старением Сэма. Быть может, именно так это все и началось. Виноваты гены. Ее тело уже не так привлекательно для него, как тогда, когда любовь захлестнула их впервые. Но разве не в том суть женитьбы? Не в церемонии, не в шикарных жестах и не в годовщинах, а в том, чтобы оставаться бок о бок во что бы то ни было; стареть рядышком и любить друг друга, несмотря на изъяны. «Пока смерть не разлучит нас», – сказала она себе.

Хайди гадала, что видят другие, глядя на нее. В своем воображении она оставалась двадцатилетней девушкой, у которой вся жизнь впереди. На самом же деле – сорокалетняя мамаша двоих детей, чья некогда густая белокурая шевелюра уже теряет свой лоск. Зубы пора бы уже отбелить, а линия подбородка теряет свою упругость. Увлекая ее книзу, тяготение заодно потащило за собой и ее веснушки. Сегодня они похожи не на милые коричневые пятнышки, а скорее на жирные кляксы. С годами загрубела не только ее наружность, но и личность. Из-за работы видеть в людях хорошее ей стало куда трудней. И она напрочь разучилась плакать – хоть от счастья, хоть от горя. Порой ей даже кажется, что ее изваяли из камня; проломи твердую скорлупу – и внутри наткнешься на такую же непрошибаемую твердость.

– Ты когда-нибудь тосковал по тем дням? – вдруг спросила Хайди.

– По каким тем?

– Когда мы могли пить и курить и ходить куда вздумается или валандаться по всей Европе в турне выходного дня, без необходимости тревожиться о детях?

– Порой, вроде того раза, когда они подцепили эту желудочную инфекцию перед Рождеством и дом разил, как римский вомиторий. Но в целом – нет. Приключение, в которое мы пустились, куда увлекательнее с ними на борту.

– Если удастся раздобыть горящие путевки, надо свозить их на юг Франции на несколько дней в августе. Просто упаковать самое необходимое, запрограммировать адрес, тронуться с вечера и выспаться в машине, пока она будет везти нас туда. К утру можем быть уже в районе Лиона.

Хайди знала ответ Сэма еще до того, как он его озвучил.

– Поглядим, – сказал он. Как только речь заходит о поездках за границу, Сэм «поглядимкает» всю ее замужнюю жизнь. Каждое второе Рождество навещает свою мать, живущую в Алагарви[3], но всегда в одиночку…

– Так напомни мне, куда ты ведешь меня на нашу годовщину? – спросила она.

– Ой, ради бога, если и правда хочешь знать, так я тебе скажу. Но потом не ной, что я испортил тебе сюрприз.

– Тогда валяй, выкладывай!

– Ладно. Ну, я снял нам прицеп в Олдборо на выходные и планировал устроить пораньше с утреца пикничок с завтраком, чтобы могли начать день там, где все заварилось, – в лучах восходящего солнца…

– О-о, как мило, – ответила Хайди, ни на йоту в это не веря. Однако Сэм явно считал это чутким, романтическим жестом. – Замечательная идея.

– Я так и думал, – ответил он. – Но потом вспомнил, как вытянулось лицо моей супруги, когда я в прошлом году повел ее в паб, так что вместо того купил билеты на мюзикл в лон-

[3] А л а г а р в и – регион в Южной Португалии.

донский Вест-Энд, а потом будет роскошный обед в шикарном ресторане и номер в отеле в Ковент-Гардене.

Хайди знала, что этого не может быть, но все равно подыграла.

– Ты серьезно? А нам это по карману? У нас на носу лыжная вылазка в школе Джеймса…

– Да, по карману, – отрезал Сэм, и Хайди уловила нотку раздражения в его голосе из-за ее сомнений. – Я заранее начал понемногу откладывать деньги на это.

Хайди открыла было рот, чтобы сказать еще что-то, но передумала. И вместо того поднесла только что накрашенные белые ногти к камере.

– Как по-твоему? – спросила она.

Но не успел муж ответить, как экран погас.

– Сэм? Нас что, разъединили?

Тем временем в машине, ехавшей в нескольких милях позади, Сэм стукнул по приборной доске в попытке заставить экран снова заработать. Вот она, расплата за игнорирование автонапоминалок машины о плановом полугодовом ТО, обновлении софта и приложения для диагностики проблем. Хайди он на ТО тоже еще не записал, но ей об этом знать незачем. Есть много такого, о чем ей знать не следует…

– Я по-прежнему тебя слышу, – ответил он.

– Что там стряслось?

– Должно быть, мы попали в черную дыру вай-фая.

– Тогда почему мой GPS перепрограммирует себя на другой маршрут?

Сэм поставил уже опустевшую миску от каши на соседнее сиденье.

– Он так порой ведет себя, разве нет? Знаешь, если впереди стряслось ДТП или какие-нибудь проблемы… – Сэм бросил взгляд на собственный экран. – Погоди-ка, мой делает то же самое. Что… куда, к чертям, он везет…

Закончить предложение ему шанс не выпал. Голос, прозвучавший из динамиков после этого, не принадлежал ни одному из них.

Глава 5
Шабана Хартри

TV TVNews.co.uk

Сводка новостей: 07:05

Лестерширская полиция арестовала 12 человек по обвинению в торговле людьми, эксплуатации труда и современном рабстве.Блюстители порядка провели облавы рано утром на двух хозяйственных объектах в Лестере и трех жилых домах в Рагби. Двое мужчин и одна женщина сегодня предстанут перед судом, а еще девятерых допрашивают в полиции.

– Я смогу, я смогу, я смогу…

Шабана повторяла эту мантру под нос снова и снова, пока машина ехала, оставляя позади единственный дом, который она знала на протяжении двадцати лет. «Это происходит на самом деле», – подумала Шабана. Невообразимое становится реальностью.

Прошло всего тридцать минут с того момента, когда ее сын Рейанш переступил порог ее родного дома, умоляя, чтобы она его выслушала. Хоть Шабана и безмерно обрадовалась при виде него, но его безопасность была для нее прежде всего.

– Что ты тут делаешь?! – спросила она, беря его лицо в ладони и мечась взглядом от своего первенца к домам соседей, чтобы проверить, не засек ли кто-нибудь его возвращение. Он совсем запыхался. – Ты же знаешь, что тебе сюда нельзя. Тебе здесь опасно.

– Это уже не важно, – ответил он. – Умоляю, мама, ты должна меня выслушать. Это шанс, которого ты ждала, – вырваться отсюда.

– О чем ты таком толкуешь, сынок? Что стряслось?

– Дело в папе. Его арестовали.

Шабана отступила на шаг на крыльцо, покачивая головой, словно не расслышала.

– Что значит его арестовали? За что?

– Подробности я не знаю; знаю только, что его адвокат позвонил с просьбой, чтобы ты внесла залог за папу. А поскольку ты по-английски не говоришь, он позвонил мне. Единственное, что сказал его стряпчий, – арест связан с торговлей людьми.

Шабана уже слышала это выражение, но спросить, что оно значит, ей в голову не приходило.

– Это когда людей незаконно провозят из одной страны в другую, – продолжал Рейанш. – Мужчин зачастую продают для подневольного труда, а женщин принуждают к проституции.

Шабана прикрыла рот ладонями:

– Ты говоришь, твой отец делал такое?!

– В этом его обвиняют, да. Рохита и Санджая тоже арестовали вчера вечером в ресторане вместе с кучей других людей по разным адресам. Полиция утверждает, что они входили в шайку, перевозившую детей и нищих из ассанских трущоб, чтобы продать их.

Имена других Шабане были знакомы, но лиц она припомнить не могла. Приводя домой друзей, муж Вихаан приказывал ей удалиться наверх и не показываться, пока все не уйдут. Частенько они задерживались в столовой, надираясь «Секмаем»[4], пока не забрезжит рассвет.

[4] Индийская рисовая водка.

Не в диковинку для него и отлучаться на несколько дней кряду, потому-то Шабана и не видела его вчера вечером.

– Мам, это твой шанс бросить его, – вел свое Рейанш. – Другой такой шанс больше никогда тебе не выпадет.

Шабана понимала, что, если слова сына соответствуют истине, все, о чем она когда-то мечтала, может сбыться. Но по-прежнему колебалась.

– Я не готова, – шепнула она с часто бьющимся сердцем. – Мне надо уложить вещи, приготовить девочек… Что я им скажу? Я не отложила денег, как мы сможем наскрести на еду? Как будем жить? Куда нам податься?

– Меня ждут два такси, – сообщил Рейанш и повернулся, чтобы показать на них. – Одно отвезет тебя к стряпчему, а второе доставит девочек в убежище. В папиной записке к нему сказано, что деньги спрятаны в сарае – тысячи фунтов, которые покроют его залог. Однако ничего не мешает тебе просто забрать их.

– Но это же воровство!

– А он украл два десятка лет твоей жизни.

– А что за убежище?

– Оно для таких семей, как наша, и таких женщин, как ты; жен из индийской общины, которые всю жизнь провели под ярмом мужей; женщин, которым надоело терпеть побои, обиды и обращение как с собаками, которым нужна помощь, чтобы начать с чистого листа.

– Но… но…

Шабана не знала, что сказать. Столько лет она фантазировала, как сбежит от Вихаана! Прошло девять лет со времени ее последней настоящей попытки, когда она строила планы доехать от дома в Лестере до Ньюкасла, где живет дальняя родственница. Ей помогала миссис Патель, держащая местный супермаркет. Но когда муж миссис Патель обнаружил билеты на автобус «Нэшнл экспресс», которые его жена припрятала для Шабаны и ее детей, он счел своим долгом поведать Вихаану о ее планах. Наказанием ей послужили побои столь тяжкие, что она до сих пор не в состоянии перенести весь вес на правую ногу.

С того дня ее единственным упованием стала безвременная смерть, которая сможет избавить мир от Вихаана. Он курит в день по пачке сигарет с высоким содержанием смол, а из-за жирной еды весит килограммов на двадцать больше, чем следует. Возможно, лишь вопрос времени, когда его сердце откажет. Порой Шабана фантазировала, как он у нее на глазах валится на пол кухни, вцепившись рукой в грудь, и молит ее позвать на помощь. «Не могу, – отвечает она ему. – Я говорю только на бенгали. Ты же сам не позволил мне учить английский, помнишь?»

– Мам, – сказал Рейанш, возвращая ее к действительности, и взял ладони матери в свои. – Ведь ты же этого и хотела, разве нет? Возможности вырвать всех из-под его власти? Потому что именно это и произошло.

– Когда он вернется домой, то отправится за нами, разыщет и убьет всех нас. Я знаю, как мстителен твой отец, когда его доведут.

– Нет, потому что не сможет. Я встречался с женщинами, держащими убежище, и объяснил твою ситуацию, и они заверили, что, когда будешь готова, тебя там ждет радушный прием. Это совершенно анонимно; никто даже не узнает, где ты. Я переговорил с ними снова по пути сюда – они могут принять всех вас сегодня же утром. Вас ждут постели. И они связали меня со стряпчей, тесно сотрудничающей с ними. Она повидается с тобой сейчас же, чтобы организовать судебный запрет против папы. Все готово. Не хватает только тебя и девочек.

– Но как же ты? Куда направишься?

– Мне осталось всего пара месяцев до начала занятий в универе. А до той поры могу зависать у друзей, перекантуюсь как-нибудь… Мне повезло: пинок под зад, поскольку папа

думает, что быть геем хуже, чем покойником, оказался лучшим, что он мог для меня сделать. Мам, мир за этими стенами прекрасен, прими только шанс…

– А твоя подруга-адвокат, она знает, что я не говорю по-английски?

– Да, и она говорит, чтобы ты не тревожилась; прежде она встречалась с подобным уже много раз. Она хочет тебе помочь.

– И ты обещаешь приглядеть за девочками, пока я буду с ней сидеть?

– Да, конечно, пригляжу.

Внезапно, без малейшего предупреждения, по жилам Шабаны разлилось тепло, добегая в самые дальние уголки. Она едва заметно закивала, воображая, насколько другим может быть будущее, если она доверится сыну и людям, которых он привлек ей в помощь. То, что они желают помочь совершенно незнакомому человеку, смирило ее. Шабана поглядела Рейаншу прямо в глаза.

– Помоги мне собрать сестер, – сказала она с растущей уверенностью.

Затем уложила все, что может понадобиться в ближайшие несколько дней, – одежду, белье и туалетные принадлежности, – в две хозяйственные сумки. Из спальни она слышала, как Рейанш командует своими четырьмя сестренками в смежных спальнях. Шабана очень гордилась своим единственным сыном; несмотря на то что он узнал о мужчинах на примере собственного отца, все равно знает, что это неправильно. И вместо того сохранил добрую, ласковую и заботливую душу. Имя, которым она его нарекла, означает «первый лучик солнца», и теперь Рейанш преподносит ей этот дар – шанс узреть новый день в новом свете. Она готова покинуть мрак и вступить в мир, озаренный светом, почти изгладившимся из ее памяти.

Услышав, что девочки спускаются по лестнице, Шабана вознесла краткую молитву за них. Она вступила в материнство с наилучшими намерениями и хотела научить их быть независимыми, не позволяя никому взять власть над собой. Но старшей уже исполнилось четырнадцать, а они до сих пор видели в своей матери только раболепную, напуганную женщину. Шабана лишь уповала, что после воспитания под этим кровом для них еще не поздно переменить отношение к замужеству. Если же они повторят ее ошибки, в том будет не их вина, а ее. А за такое она себя не простит.

Собрав сумку, Шабана поспешила в кухню за ключом, а оттуда направилась к запертому на висячий замок сараю, к которому муж ее не подпускал. Срывала контейнеры с полок и рылась в коробках и мешках, пока не извлекла все наличные, пачка за пачкой. Сумма ошеломила ее. Пока она едва сводила концы с концами с нищенским бюджетом на еду и одежду для растущей семьи, Вихаан сидел на тысячах и тысячах фунтов. Это лишь усугубило ее ненависть к мужу.

Рассовав деньги по карманам, Шабана присоединилась к семейству в гостиной, которую муж объявил своей собственностью и не пускал их даже на порог. И увидев девочек со школьными ранцами на плечах, набитыми вещами, книгами и игрушками, ощутила силу, хотя и не подозревала, что та еще таится в ее душе. Рейанш же тем временем тревожно маячил за плотной тюлевой шторой, проверяя, всё ли благополучно снаружи, чтобы они могли пуститься в бегство. Эта штора очень долго скрывала от остального мира, что сталось с Шабаной. Но теперь этому конец. Она рвала штору с карниза, пока та не свалилась грудой на пол. И наконец-то смогла без помех выглянуть из окна.

– Пусть смотрят на меня, – бросила с вызовом.

Когда она целовала каждого ребенка в щеки по очереди, две младшие – Адитья и Криш – заплакали. В ответ мать обняла их крепко-накрепко.

– Я покажу вам, что значит быть счастливыми, – шепнула она, прежде чем отпустить.

Рейанш вывел их через переднюю дверь в одно из двух беспилотных такси, припаркованных на улице. Потом помог Шабане уложить сумки во второй автомобиль, припаркованный позади первого, и запрограммировал адрес стряпчей в GPS.

– Увидимся после обеда, – сообщил он и вручил ей мобильный телефон, прежде чем вспомнил, что мать ни разу не пользовалась таким. – Я позвоню тебе по вот этому – для ответа нажми зеленую кнопку, – а потом закажу авто, чтобы оно привезло тебя к нам.

Обхватив сына руками, Шабана прижала его к себе.

– Спасибо тебе, – шепнула и только тогда отпустила.

Она еще ни разу не ездила в автомобиле без водителя. Но не усомнилась ни на миг, когда Рейанш заверил ее, что авто само доедет туда, куда ей нужно. Ее единственному мальчику не исполнилось еще и восемнадцати, но он – единственный мужчина, которому она доверяет, потому что не верит ни собственному отцу, устроившему ее замужество с человеком, о свирепом нраве которого знал, ни братьям, чуть не до смерти забившим ее парня более низкой касты в Индии, когда они были еще подростками.

Шабана дала волю воображению о том, куда она теперь может отправиться, став свободной. Довольно будет маленькой муниципальной квартирки с радио и телевизором, чтобы она могла смотреть кино, когда девочки лягут спать. Годами фильмы были для нее единственным окошком на волю. Порой, когда Вихаан был в отлучке и забывал спрятать пульт от телевизора, она смотрела индийский канал, опосредованно проживая величайшие болливудские истории любви. Ее чаровали красивые девушки с безупречными волосами, в ярких, красочных одеяниях, танцующие с радостью, выпадавшей на ее долю так редко. Их словно благословили другие боги, чем те, которым поклонялась она.

Шабана поглядела на карту на мониторе приборной доски авто, колесившего по дорогам, которые она всегда одолевала пешком. И уже привыкла к саднящим до жжения мышцам рук, когда шагала домой, обремененная тяжелыми сумками с продуктами.

Больше никогда. Скоро она сможет ездить на автобусе или такси, а то и завести подруг и ходить за покупками вместе с ними. Благодаря упорству Рейанша теперь перед ней и ее семьей раскинулся огромный мир возможностей. Два слова, которые Вихаан вышиб из нее напрочь, мало-помалу начали пробивать дорогу обратно в ее лексикон.

«Я смогу, – твердила она себе, – я смогу».

Ее внутренний голос был последним, что услышала Шабана, прежде чем из громкоговорителей авто прозвучал английский. Он объявился столь нежданно, что напугал ее.

– Что происходит? – спросила она вслух на родном языке. Взгляд ее заметался по салону авто. Голос продолжал говорить, но она была в состоянии понять лишь несколько слов там и тут. Одно звучало как «умереть».

Внезапно монитор включился. Главный экран был заполнен экранчиками поменьше и другими людьми в машинах. Ни один из них не улыбался – все они выглядели напуганными. Шабана склонилась поближе к экрану в надежде увидеть сына. Но единственным знакомым лицом оказалось ее собственное.

Паника всколыхнулась в душе Шабаны точно так же, как при хлопке передней двери, когда Вихаан возвращался после ночного отсутствия. Если он пьян, значит, зол. А если он зол, то обратит свою агрессию против жены, вытворяя с ней что пожелает, пока она будет лежать смирно, зажмурив глаза, сжав руки в кулаки и мечтая о лучшей жизни.

Другие голоса забились в ее машине – еще больше слов и языков, которые она не в состоянии была понять, вместе с неотвязными воплями, криками и стенаниями людей, попавших в беду.

– Что происходит? – умоляющим тоном возгласила Шабана. – Мне это не нравится; пожалуйста, вы можете остановить машину? Я хочу выйти.

Нажала на кнопку на двери, но ничего не произошло. Поглядела на телефон, который дал ей Рейанш, нажала на зеленую кнопку и поднесла его к уху.

– Рейанш? – спросила. – Рейанш, сынок, ты меня слышишь? Ты там? Пожалуйста!

Но ответа не было. Шабана ощутила, что новая жизнь, мечтать о которой она только-только осмелилась, ускользает у нее из рук.

Часть II

Глава 6

NG NationalGov.co.uk

Почему нам нужны беспилотные авто?
В 2019 году в автокатастрофах по всему миру погибли миллион человек. Беспилотные авто должны сократить это число как минимум на 95%. К числу прочих преимуществ относятся уменьшение загрязнения окружающей среды, сокращение потерь времени в дорожных пробках, больше свободного времени и более низкая стоимость владения.

Как они работают?
Каждый автомобиль питается от аккумуляторов и управляется рядом компьютеров. К авто подключены цифровые видеокамеры, ультразвуковые датчики, радар, сонар, инфракрасные системы и лидар. Все вместе они строят 360-градусную картину окружения автомобиля, обновляемую сотни раз в секунду. В случае угрозы дорожно-транспортного происшествия бортовые компьютеры используют искусственный интеллект, чтобы принимать решения о том, как минимизировать потери. Эти сведения хранятся в бортовом «черном ящике».

Когда эти автомобили станут обязательными?
Согласно законодательной инициативе, принятой и Палатой общин, и Палатой лордов, правительство ручается, что английские автодороги станут первой в мире совершенно автономной сетью, и планирует в течение десятилетия полностью запретить выезжать на дороги автомобилям с ручным управлением.

Либби Диксон не требовалось смотреть на собственное отражение в зеркале ванной, чтобы понять, что она до сих пор насуплена.

Все уже было предрешено к моменту, когда ее будильник прозвонил в 6:45 утра, и она помнила, где ей предстоит проторчать весь день. Шея ныла от сна в неудобном положении, так что Либби надавила кончиками пальцев на мышцы по обе ее стороны, пытаясь снять с них напряжение. Она так и продолжала хмуриться, плетясь по лестнице, принимая душ, а после по инерции занимаясь нанесением макияжа. Хмурилась, маскируя пятно на подбородке, стягивая свои волнистые от природы волосы в конский хвост и копаясь в гардеробе. Остановилась на консервативном костюме, составленном из простой кремовой блузки, темно-синей юбки-трапеции и жакета в тон. Производить впечатление ей не на кого.

И теперь, когда она встала посреди кухни, даже домашние кролики Майкл и Джексон не могли спровоцировать ее на улыбку, гоняясь друг за другом вокруг ее ног. Либби налила себе вторую чашку кофе в чаянии, что дополнительная доза кофеина поможет ей воспрянуть духом. Не помогла, и она хмурилась по-прежнему.

Вообще-то понурый, угрюмый настрой для нее нехарактерен. Она неизменно находит капельку позитива даже в самых унылых моментах. Но сегодня – исключение. И если следующие двенадцать часов будут хоть отчасти походить на вчерашние, ей не улыбаться аж до конца недели, когда все будет позади. А это означает еще четыре хмурых дня.

Снабдив кроликов свежей подстилкой и гранулированным кормом, Либби надела пару старых, обшарпанных туфель без задников, закинула ремень сумочки на плечо и направилась к выходной двери. Перед ней помешкала, чтобы вынуть из кармана мобильник и проверить «мыло», эсэмэски и социалку. И испустила беззвучный вздох, когда не обнаружила никаких перемен.

«Может, пора поставить на тебе крест?» – спросила она, кладя телефон в сумочку.

Настроение Либби опустилось ниже плинтуса, являя разительный контраст тому, что было сутками ранее, когда она пробудилась в нервном возбуждении. Поставила будильник на более ранний час, чем обычно, чтобы осталось время для пробежки по дорожкам вдоль канала Бирмингем, огибающего возрожденные заводы, перед возвращением домой ради завтрака из органических фруктов и обезжиренного йогурта. Потом, вымыв волосы с кондиционером, пустила в ход свою самую дорогую брендовую косметику и сняла пластиковый чехол с одного из пяти костюмов, только что из химчистки, по одному на каждый день недели.

Либби жаждала произвести хорошее первое впечатление на незнакомцев, с которыми предстояло провести бок о бок целую неделю. Но ее пыл пошел ко дну, как свинцовый кирпич, уже через считаные минуты по приходе. Судя по их неприветливому виду, ее присутствие было навязанной формальностью. И отторжение быстро стало обоюдным.

Заперев за собой дверь и выйдя на улицу, Либби ощутила лицом первые лучи солнца. Ну, можно хотя бы сказать спасибо за теплое апрельское утро, подумала она, закатывая рукава и пускаясь в путь.

Либби шагала через коллективные сады своего коттеджного поселка, прочь через высокие черные кованые железные ворота, по тропе вдоль канала и дальше к городскому центру Бирмингема, высившемуся вдали. Когда она перебралась сюда из Нортгемптона девять лет назад, небоскребов, пронзающих горизонт, не было еще и в помине. Ее второй дом менялся со временем настолько стремительно, что Либби зачастую казалось, что она безнадежно отстает от современного мира.

То же самое и с отношениями. Многие из ее подруг теперь живут в гражданских или официальных браках и заводят семьи. Либби уже потеряла счет дородовым вечеринкам, которые посетила, и вопросам подруг, нашла ли она уже кого-нибудь на смену своему бывшему жениху Уильяму. Не нашла.

В свое время она простила его за поцелуи спьяну с привлекательной несовершеннолетней стажеркой на работе, но семь месяцев спустя та заявилась к ним на порог с бросающейся в глаза беременностью. Либби дала Уильяму пинка под зад из дому, с той поры отказываясь вступать с ним в какие бы то ни было отношения. Но ненависть к нему не помешала ей провести все выходные в слезах, когда общие друзья известили ее, что теперь он помолвлен и стал отцом новорожденной девочки.

Уильям был любовью всей ее жизни. Никто не мог понять, почему, расставшись с ним почти два с половиной года назад, Либби до сих пор одна. Она присягнула себе, что, чем тревожиться о поисках мистера Настоящего или сравнивать свою жизнь с жизнями товарок, предпочтет ступить на путь одиночества и независимости. Но по ночам, когда компанию ей составляли только питомцы и бутылка «Пино гриджо», входила на сайт свиданий, чтобы поглядеть, кто еще остался в закромах. Порой просто смотрела их фотки; в другое время зависала на их профилях, отыскивая причины не общаться с ними. Могла вежливо побеседовать с теми, кто делал шаг первым, но стоило им проявить настойчивость или заинтересованность, как она либо ставила их в игнор, либо блокировала.

А потом в ее мир пришел *он*. Но не успела она и глазом моргнуть, как он исчез так же быстро, как появился. Даже сейчас, шесть месяцев спустя, он вспоминался ей что ни день. Оставалось лишь гадать, думает ли он о Либби так же много, как она о нем.

Либби миновала кучку муниципальных работников на барже-земснаряде, опускавших в воду драгу, прочесывавшую дно ради извлечения затопленного мусора. Чаще всего это оказывались муниципальные прокатные велосипеды, заполонившие город, будто нашествие большущих металлических крыс. По идее, они должны были стать палочкой-выручалочкой для тех, чьи разряды заработной платы не позволяют покрывать затраты на устремившиеся к небесам страховки за обычные автомобили или на замену почти отживших свое легковых автомобилей беспилотными электромобилями следующего поколения.

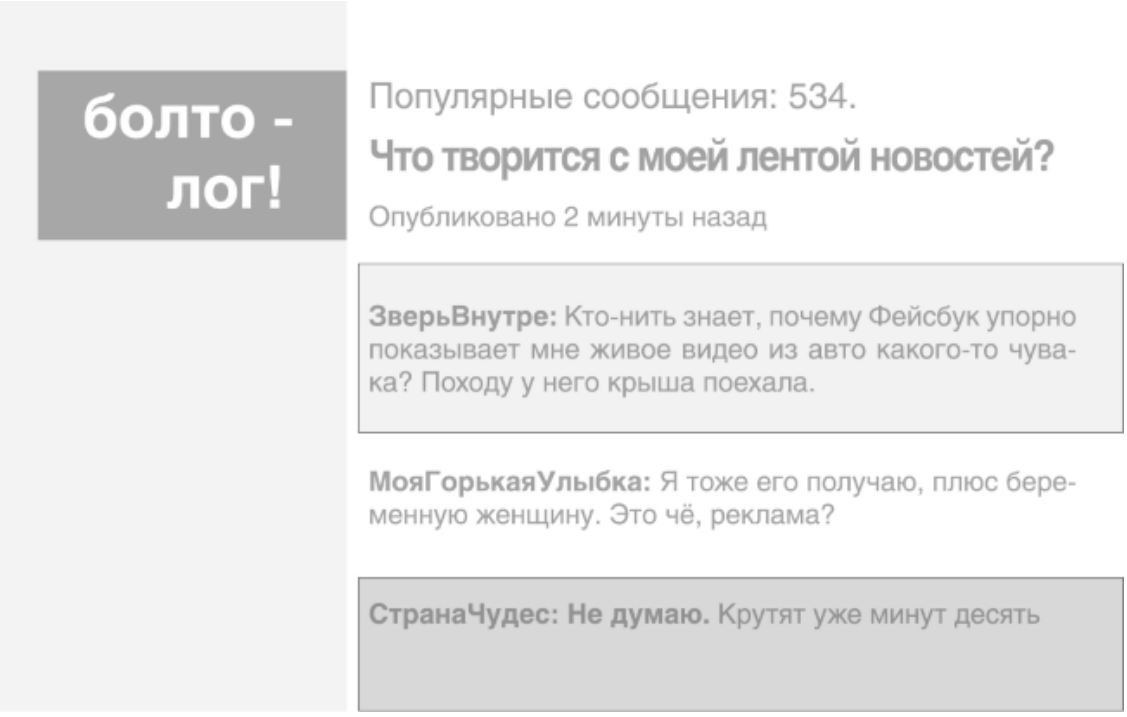
Однако почти полное отсутствие регулирования привело к тому, что производители сбивали цены друг у друга, и велосипеды наводнили рынок. А когда некоторые выпали из бизнеса, и вовсе стали бесплатной обузой. Либби покачала головой, когда сеть на стальной раме поднялась над поверхностью воды и стали видны еще шесть ярко раскрашенных велосипедов. Экология стремительно становится очередной жертвой гонки за беспилотными авто, к которым Либби мало-помалу прониклась ненавистью.

Покинув умиротворение каналов, она по крутой кирпичной лесенке поднялась на уровень улицы. Миновала один из кампусов Бирмингемского городского университета, где провела без малого три года, когда отказалась от не ахти какой благодарной карьеры банковского ипотечного брокера и переучивалась на психиатрическую сестру. Новая профессия пришлась ей по душе, и она уже рвалась обратно на работу – вот только разделается с этой неделей…

Проходя мимо Монро-стрит – длинной извилистой дороги, окруженной с обеих сторон кафе, бистро, независимыми магазинчиками и бутиками, – Либби не позволила взгляду задержаться на ней. Когда-то она бывала тут регулярно. Но минуло уже два года с той поры, когда она дерзнула ступить туда в последний раз. И помнила каждую секунду последовательности событий, словно это было вчера.

В жизни Либби было три момента, переживать которые заново ей ничуть не хотелось. И это был один из них.

Глава 7



Путь до работы, занимающий двадцать пять минут, Либби решила проходить пешком – хоть в дождь, хоть в солнце. Лишь изредка, например, когда прогноз предрекал особенно скверный погодный фронт, она могла вызвать такси. И даже тогда выбирала компанию, предоставляющую водителя. Но по мере того, как более дешевые, полностью автономные автомобили становились нормой, эксплуатация машин с человеком за рулем оказывалась все более накладной, так что их становилось все меньше, а интервалы между ними – все больше.

К великому ее огорчению, пропаганда беспилотных авто была на самом взлете. Налоговые льготы, бесплатная зарядка аккумуляторов и разительно заниженные страховые тарифы побудили восемьдесят процентов водителей пересесть в автономные автомобили в первый же год, так что цель была достигнута куда раньше, чем предсказывали. Либби убедить было невозможно. Она ни за что не вверит свою жизнь в руки робота, потому что знает, какой ущерб тот способен причинить. Выругалась под нос, когда ее обогнала вереница пустых автономных машин, расписанных аляповатой подсвеченной рекламой. Чем раньше введут законодательное регулирование робокар-спама, тем лучше, подумала она.

И продолжала путь ровным шагом к городскому центру Бирмингема, когда услышала женский голос, пронзивший воздух.

– Эгей, Либс! – возопила Ния, моментально узнаваемая по хитросплетению мидлендского акцента с карибским. Либби обернулась, чтобы поприветствовать подругу и коллегу. – Будь твое лицо еще чуточку жалостнее, тебе пришлось бы соскребать его с пола, – засмеялась та. – Что с тобой не так? Неужто учебный курс настолько плох?

– Не ахти, – ответила Либби, но предпочла не углубляться.

– А что там, напомни? Вылетело из головы.

– Конфиденциальность пациента и защита данных.

– А-а, вот почему… Звучит адски скучно.

Либби претило врать кому бы то ни было о причинах своего отсутствия на работе, а уж подруге – тем паче. Но легально – и многократно заталдычено на сорока страницах подроб-

нейших юридических формуляров, которые ей пришлось вчера подписать, – выбора у нее нет. Чем Либби занята на самом деле, известно только ей самой и кадровому отделу больницы, где трудятся они с Нией.

– Расскажешь мне об этом в автобусе.

Либби бросила испепеляющий взор на длинный белый автобус, припаркованный у противоположного бордюра, с обеих сторон изукрашенный видеорекламами, следующий до ворот больницы. Но Либби направлялась в другое место, так что у нее нашелся вполне благовидный предлог.

– Я не пользуюсь общественным транспортом с той самой поры, как водителей заменили компьютерами, – сказала она. – Вверять жизни десятков людей в руки искусственного интеллекта – значит напрашиваться на неприятности.

– Ты рассуждаешь, как динозавр из мрачного Средневековья.

Либби прикусила язык, чтобы не уточнить, что динозавры в Средневековье не жили, и вместо того согласилась.

– Угу. И единственный раз, когда ты увидишь меня в штуковине, которая управляет собой сама, – это лежащей в кузове катафалка.

– Что до меня, то если это дешево и везет меня туда, куда надо, то в него хоть единорогов на роликах запряги, мне до фени. – Запрокинув голову, Ния от души рассмеялась. – Кстати, если я не потороплюсь, то опоздаю. Обед в понедельник не отменяется? Ты к тому времени закончишь?

– Определенно.

– Хорошо, потому что платить будет твоя очередь, – присовокупила Ния, ступая на дорогу.

– Осторожно! – крикнула Либби, хватая ее за руку и отдергивая с дороги подъезжающей машины.

– Эти электрические штуковины чертовски тихие, а? Они меня прикончат.

– Они всех нас прикончат, – ответила Либби, и Ния пересекла дорогу – на сей раз не подвергаясь опасности.

Либби дождалась, пока автобус подруги покатит по дороге, прежде чем продолжить путь пешком в другом направлении. Еще раз проверила телефон, чтобы узнать, нет ли каких-нибудь новостей о *нем.* И опять ничего.

В вечер встречи с ним Либби проводила выходные с Нией и компанией подруг в Манчестере. Они тянулись к залу караоке в глубине паба, когда ее взгляд впервые упал на него. Они собрались группой на сцене, сгрудившись вокруг двух микрофонов, чтобы исполнить песню, выбранную Либби, – «Человек в зеркале» Майкла Джексона. Но за пять с лишним минут утратили интерес напрочь, покинув Либби дотягивать песню в одиночестве.

Тогда-то она его и увидела. Их взгляды были неразрывно связаны в пространстве шумного паба, когда он одарил ее развязной, чуть ли не кривой ухмылкой. Он был не самым привлекательным из группы молодых людей, с которыми стоял; не выделялся он и ни шириной плеч, ни ростом, и маячил позади всех, словно был смущен их разнузданным поведением. Как и Либби, он явно был фанатом Майкла Джексона и шевелил губами в такт с ней. Он тоже знал каждый гик, вскрик и хихик песни от и до.

– Парнишка не может глаз от тебя отвести, – подбодрила ее Ния, когда Либби наконец покинула сцену. – Ступай потолкуй с ним.

Либби открыла было рот, чтобы запротестовать, как поступала всегда, когда подруги подбивали ее на флирт. Воспоминание о предательстве Уильяма всегда было на подхвате. Однако на сей раз она загнала его обратно в кладовую, из которой оно выкарабкалось, и заперла дверь. На сей раз она была заинтересована. Опрокинув в себя джин с тоником для храбрости, направилась прямиком к нему.

– Привет, – начала нервно и протянула ладонь для пожатия.

– Очень уж официально, – поддел он, но все-таки пожал протянутую руку. – Как тебя зовут?

– Либби.

– А меня… – Но ответа сквозь автогенерацию микрофона диджея она не расслышала. И уже хотела переспросить, когда он спросил: – Значит, ты фанатка Майкла Джексона?

– Нас с братом вырастили на его музыке. Мама крутила его беспрестанно.

– В нашем доме фанатом был папа. Когда я был маленький, он купил нам билеты на его концерт в Лондоне, но тут Джеко помер, так что сходить нам так и не довелось.

– Моя мама сделала то же самое! Билеты до сих пор у нее в рамочке на стене ванной. – Либби улыбнулась ему, уже почувствовав трепет в животе.

– Ты здешняя? – поинтересовался он.

– Нет, мы приехали из Бирмингема на выходные с девчонками. – Она указала на шестерых подруг, в чем тут же раскаялась, потому что те послали в его сторону утрированные воздушные поцелуи. Он в ответ сделал то же самое. Либби это пришлось по душе.

– Можно тебя угостить? – спросила она, и он согласился.

Когда они вдвоем направились к стойке, паб вокруг них словно вдруг опустел, потому что они видели и слышали только друг друга; ни танцующих, ни пьяных тел и голосов, заполняющих зал, ни бухающего ритма танцевальной музыки. Либби болтала о своей работе по уходу за больными, а он рассказывал, как работал в автопроме, пока революция беспилотных авто не сделала его лишним. Их неприязнь к этим автомобилям оказалась обоюдной, но Либби не хотела портить вечер, объясняя, почему она от них не в восторге.

Она оценила, что он задавал ей не меньше вопросов, чем она ему, и в его взгляде угадывалось тепло, вызывавшее у ней желание погрузиться в них и узнать о нем всё-всё. И как у него на щеках появлялись ямочки, когда он смеялся. Стены, на возведение которых вокруг себя она потратила два года с момента ухода Уильяма, рухнули в один миг. Либби еще ни разу не испытывала ничего столь же интенсивного, как желание поцеловать его здесь и сейчас. Но сдержалась.

– Может, выйдем наружу, где потише? – предложил он, и она согласилась.

Пивной сад был освещен электрическими гирляндами, подкрашивавшими ночные небеса кремово-белым сиянием, растягивая наружное пространство в длину и в ширину. Гирлянды были обернуты вокруг ветвей трех деревьев, а из динамиков лился вполне уместный плей-лист безмятежных балеарских ритмов. Пьянчужки как раз освободили один столик, так что они его заняли, и официантка поставила между ними горящую свечу в глиняном горшочке.

В первую минуту они просто сидели, глядя друг на друга и не тяготясь молчанием.

– Наверное, это я спьяну болтаю, – в конце концов начала Либби, – но чувство такое, будто я знаю тебя сто лет, а не два часа.

– Та же история, – ответил он. – И нет, не думаю, что это пьяная болтовня.

И передвинул руку, потянувшись к своему бокалу. Его мизинец коснулся ее мизинца, прежде чем он убрал руку. Либби подвинула свою, чтобы они соприкоснулись.

Прошел еще час в разговорах, но в конце концов больше Либби сдерживаться не могла. Подалась через деревянный столик, положив свою ладонь ему на руку, и сближала губы, пока они не встретились. Это был первый поцелуй, поцелуй возлюбленных и поцелуй двух человек, знающих друг друга как свои пять пальцев, – всё в одном. Либби не хотелось, чтобы он кончался.

Внезапно она ощутила, что ее дергают за рукав.

– Либс, дико извиняюсь, но ты нам нужна, – взвинченно проговорила Ния.

– Чего? – отрубила Либби.

– Дико извиняюсь, – одними губами произнесла Ния в адрес нового друга Либби. – Керис упала с туалетного бачка.

– Упала с бачка? Что она на нем делала?!

– Перебрала водки с апельсиновым соком и отплясывала на нем, когда поскользнулась и разбила лицо о пол. Она в отключке. Мы вызвали «Скорую».

– Вот жопа! – буркнула Либби и повернулась к человеку, имени которого до сих пор не знала: – Я вернусь. – Она с надеждой улыбнулась, вставая со скамьи. – Пожалуйста, подожди здесь.

В женском туалете стало ясно, что травмы Керис отнюдь не поверхностные. Потом, идя рядом с носилками, везшими ее подругу в карету «Скорой помощи», Либби повернула голову, чтобы увидеть *его* в последний раз, но пьянчуги перегородили заднюю дверь, так что разглядеть его так и не удалось…

Прошло уже шесть месяцев, а Либби так и не могла выбросить незнакомца из головы. Один раз даже поймала себя на том, что блуждает в парфюмерном отделе универмага «Джон Льюис», пшикая разными одеколонами на картонные пробнички и пытаясь подобрать запомнившийся ей запах.

Либби проклинала себя за то, что не переспросила его имя, потому что без него онлайн-поиск превратился в сизифов труд. Она часами шарила по интернету, размещая его описание в соцсетях и оставляя свой электронный адрес, на случай если кто-нибудь его узнает. Не считая горстки ответов приколистов – полный пролет.

Дважды она совершала девятнадцатимильное путешествие ради повторного посещения того манчестерского бара, на случай если он там завсегдатай. И хотя не один час одиноко просидела в кабинке, наблюдая за людьми, он нигде не показывался. Персонал бара не узнал его по описанию, которое она дала, а он не лайкнул паб на странице заведения в «Фейсбуке». Операторы такси просматривать свои записи без его имени не могли; прочесывание «ЛинкдИн» частым гребнем в поисках бывших работников автопрома не выдало ни одной знакомой фотки. Последняя ее надежда – телепатия – толку не дала, как и следовало ожидать.

В самой глубине сердца Либби понимала, что пора признать поражение. Найти человека без имени попросту невозможно. Она даже гадала, не использует ли в глубине души эти поиски как оправдание, чтобы не возвращаться на сцену знакомств. Быть может, это идеальный тип отношений для нее – если не удастся его отыскать, Либби никогда не узнает его по-настоящему, и он не сможет ее подвести. И никогда не станет вторым Уильямом.

Либби и не заметила, как добралась до места назначения. Поколебалась, глядя через дорогу с оживленным движением на двухсотлетнее здание. Бывшая ратуша Бирмингема явно выбивается из своего более современного окружения. Ее архитектура в романском стиле воплощена в известняке и серовато-белых кирпичах, выставляя напоказ десятки колонн, подпирающих двускатную крышу. Сооружение впечатляющее, но Либби ужасала перспектива до конца дня торчать внутри.

Глава 8

НТО HowThingsOperate.com

Каковы пять уровней беспилотных авто?

Уровень 0: Все функции выполняет водитель.

Уровень 1: Машина держится в полосе движения, используя автоматический круиз-контроль и тормоза.

Уровень 2: Теперь автомобиль дополнили самостоятельная парковка и самостоятельный разгон.

Уровень 3: Технические средства позволяют ему ехать самостоятельно при определенных условиях.

Уровень 4: Машина может выполнять рулевое управление, тормозить, ускоряться, перестраиваться в другую полосу, поворачивать, использовать сигналы и реагировать на события самостоятельно в зонах геолокации. Водители по-прежнему могут перехватить управление.

Уровень 5: Автомобиль совершенно автономен. Он делает все, не требуя человеческого вмешательства. Ни ручных тормозов, ни рулевого колеса нет.

Либби нога за ногу проплелась по плитам дорожки, через стеклянные раздвижные двери и ступила в фойе. Тут ее внимание привлек аромат свежей выпечки и кофе, так что она купила в кафе булочку с шоколадом и банан.

Обойдя лифт стороной, предпочла оттянуть неизбежное, одолев пять пролетов каменных ступеней. У прочной дубовой двустворчатой двери с петлями шириной с доброе весло одернула одежду, чтобы не осталось ни единой морщинки, и нажала на кнопку звонка. Вспыхнула ярко-голубая светодиодная панель.

– Требуется сканирование отпечатков пальцев, – сообщил машинный женский голос, и Либби поднесла правую ладонь к объективу камеры. – Подтверждено, – добавил голос, и двери распахнулись.

В комнате она насчитала шестерых мужчин и женщин в деловой одежде. Некоторые разговаривали через гарнитуры, подключенные к мобильным телефонам; другие работали на компьютерах, но Либби не видела, что показывают экраны. К ней подошли двое сотрудников службы безопасности, облаченные с головы до пят в черное. У каждого одна радужная оболочка была чуточку обесцвечена, и Либби распознала в них смарт-линзы. «И почему это в наши дни все должно быть смартовое?» – подумала она. Быть может, Ния права и Либби самое место в мрачном Средневековье, хоть и без динозавров? Охранники сопроводили ее к столу.

– Положите личные вещи в эту коробку, – грубо потребовал один, и Либби подчинилась, положив свою сумочку, часы и мобильный телефон в коробку.

– Давненько я таких не видал, – заметил второй охранник, беря гаджет Либби, чтобы продемонстрировать коллеге. Попытался согнуть его негнущееся шасси, грозя сломать.

– Осторожно! – предостерегла Либби.

– Держу пари, она до сих пор и наликом пользуется, – присовокупил его коллега.

После рентгена сумочку ей вернули, а телефон и часы поместили в серебристый металлический шкафчик под столом. С помощью белых дисков, прикрепленных ремешками к ладоням, просканировали Либби с головы до пят в поисках записывающих устройств и средств

связи. С удовлетворением убедившись, что ни тех, ни других нет, тот, что пониже ростом, достал из запечатанного пакета ватную палочку.

– Рот, – распорядился, мазнул ватным тампоном по ее языку и вставил его в цилиндрический контейнер размером с колпачок авторучки. Стоя с ним почти лицом к лицу, Либби заметила свое крохотное изображение, отраженное в его смарт-линзе, – наверное, взятое из ее государственной идентификационной карты вкупе с информацией, прочесть которую может только он.

– Говорите сюда, – продолжал он, поднося планшет к ее рту. – Имя.

– Либби Диксон, – сказала она, и на экране распознавания отпечатка голоса появилась зеленая галочка. – Я что, должна этим весь день заниматься? Не возьму в толк, как мои ДНК или голос могли сильно измениться за последние сутки.

– Правила есть правила, – отрезал охранник и сопроводил ее к очередной внушительной двустворчатой двери. Настучал код и подставил для сканирования собственный глаз, прежде чем двери распахнулись в просторный квадратный зал.

Внутри двое мужчин и две женщины собрались в углу под сводчатыми непрозрачными окнами, сквозь которые не выглянешь и не заглянешь. Стоя спинами к Либби, они лишь повернули головы при натужном звуке петель.

– Еще раз здравствуйте, – начала она с нервной улыбкой, не обращаясь ни к кому в отдельности. Те ответили кивками, не проронив ни слова, и продолжили свою беседу.

В точности та же недружелюбная, стерильная обстановка, что и вчера. В центре комнаты стояли полукругом четыре широких деревянных письменных стола, обращенных к трехсторонней стене, на которой Либби с трудом различала призрачные абрисы двенадцати телеэкранов, из них один намного больше остальных. В углу каждого значилось «вне доступа». По всему периметру комнаты шли стеновые панели из красного дерева.

Слева от Либби находились еще три стола, за которыми тихонько сидели двое мужчин, оба в смарт-очках. Перед ними лежали только планшеты, проецируя виртуальные клавиатуры на дымчатое стекло столешниц. Теперь, когда телефоны и планшеты обладают такими же ресурсами, как настольные компьютеры и ноутбуки, Либби и припомнить не могла, когда в последний раз видела те или другие.

Один из двоих был стенографистом, обязанным вести цифровые записи и печатать заметки обо всем, что обсуждается, как только начнется слушание дела. Второй отвечает за проекцию визуальных материалов на стену. И тот, и другой за весь вчерашний день не сказали и дюжины слов.

Не зная, куда себя деть, пока не пробьет девять, Либби достала булочку из бумажного пакета и отщипнула кусочек, чтобы пожевать.

– Тут употреблять пищу не положено, – фыркнула женщина с шотландским акцентом, в темно-синей клетчатой юбке и жакете под стать. Либби почувствовала, что краснеет, словно получила внушение от учительницы, и бросила перекус в металлический контейнер для мусора.

– Это только для бумаги, – присовокупила женщина.

Либби поискала другой мусорный контейнер, но тщетно, так что выхватила пакет из контейнера и сунула булочку обратно в свою сумочку. Внезапно на стене замигал зеленый свет.

– Хорошо, начнем? – произнес мужчина, оборачиваясь. Смерил Либби подозрительным взглядом с головы до ног, но попытался замаскировать это ханжеской улыбкой. Джек Ларссон – член парламента, кабинета министров и единственное лицо, которое Либби видела за пределами этой комнаты, когда он время от времени появлялся на телевидении. Направившись к столам, Ларссон насвистывал вступительные такты старой песни, знакомой Либби и называв-

шейся «Мне хорошо»[5]. Учитывая серьезный характер того, что им предстояло обсудить, выбор отнюдь не самый уместный.

Пока все его коллеги направлялись к столам, Либби мешкала, дожидаясь, когда все рассядутся, потому что вчера получила нагоняй от женщины в шотландке за выбор места, явно предназначавшегося не ей. Стул Либби оказался дальше всех от входа, шанса воспользоваться которым снова ей придется ждать весь день.

Помимо Джека Ларссона, ни одного имени остальных она не знала. Один из сотрудников службы безопасности предупредил ее, что задавать вопросы личного характера, пусть даже об имени, данном при крещении, строго запрещается. Однако притом ей пришлось надеть серебристый бейдж с выгравированной на нем черными прописными буквами надписью «Мисс Диксон».

Субъект, контролирующий видеоматериалы, положил перед Джеком черный металлический дипломат, набрал на электронной клавиатуре комбинацию, и замки со щелчком открылись. Извлек единственное содержимое чемоданчика – пять электронных устройств на манер планшетов – и раздал каждому. Либби была последней.

– Начать запись, – распорядился Джек.

– Система записывает, – откликнулся стенографист, и Либби почти расслышала, как его пальцы тихонько выстукивают по стеклянной клавиатуре.

– Что ж, леди и джентльмены, процедура нам всем уже известна, – продолжал Джек. – Но в соответствии с положениями Акта по автодорожному движению я обязан напомнить вам, что я открываю заседание номер тридцать один двадцать один Автотранспортного следственного жюри. Наша задача – выслушать, что черный ящик каждого автомобиля может сообщить о дорожно-транспортном происшествии, и на основании означенного определить меру ответственности каждого. Сегодня на вас ложится бремя ответственности за решение, была ли гибель людей, оказавшихся участниками фатальных столкновений с беспилотными автомобилями, законно обоснованной или нет. На кого возложить вину – на человека или машину, – решать вам.

Либби понимала, что за этим последует, и ей претило, что ее вынудили участвовать во всем этом.

[5] Feeling Good – песня из мюзикла The Roar Of The Greasepaint – The Smell Of The Crowd, наибольшую известность приобрела в исполнении американской певицы Нины Симон.

Глава 9

inquestJD.co.uk

О нас | Помощь и рекомендации | Кампании | Поддержка | Семья

Помощь и рекомендации > Наши услуги

ЕСЛИ ВАС ОТОБРАЛИ ДЛЯ ОТПРАВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ДОЛГА В КАЧЕСТВЕ ЧЛЕНА БОЛЬШОГО АВТОТРАНСПОРТНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ЖЮРИ, ВЫ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ:

1. Большое жюри формируется из четверых назначенных Правительством лиц, включая члена Парламента и представителей Генерального медицинского совета, Коллегии юридических услуг и Религиозных плюралистов – организации, образованной религиозными лидерами с целью гарантировать представительство всех крупнейших концессий Великобритании в едином органе.

2. Завершает состав пятый член жюри, выбираемый случайным образом из представителей широкой общественности, несущий эту обязанность в течение пятидневного срока. Исполнение долга является обязательным, и сообщать о нем кому бы то ни было запрещается вследствие деликатного характера расследования.

3. Они собираются на одну неделю в месяц в различных регионах Великобритании с целью разбора причин дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом.

4. Протоколировать личности всех членов жюри и привлеченного персонала строго возбраняется, дабы таковые сохраняли беспристрастность и были избавлены от риска негативных последствий принятых в процессе решений.

Пока председательствующий Джек Ларссон продолжал зачитывать вслух обязательный перечень правил и рекомендаций, Либби окинула взглядом лица коллег-присяжных.

Вчера появление Джека, выступающего главой правительственного Министерства транспорта, стало для нее сюрпризом. Сперва Либби сочла его обходительным человеком – он единственный из четверых представился ей, пожал руку и предложил кофе. Хотя ему уже перевалило за шестьдесят, массивное телосложение и бритая голова придают ему физически доминирующий облик. Нос и толстые губы выдаются вперед, а карие глаза насквозь пронзают всякого, кто осмелится бросить ему вызов, так же запросто, как бур – воду. Судя по несходящему загару, он частенько отдыхает за границей.

Вчера Либби чересчур стеснялась, чтобы разглядеть кого-либо из членов жюри повнимательней. Но теперь, пока Джек говорил, воспользовалась возможностью оценить каждого.

Шотландской даме в шотландке, сидящей рядом с Джеком, Либби дала бы лет за сорок. Речь, слышанную, должно быть, уже сто раз, она пропускала мимо ушей, вместо того занимаясь интернет-серфингом на своем планшете. Либби заметила, что всякий раз, стоило ей склониться к чему-нибудь, как очки без оправы соскальзывали к кончику носа, и ей приходилось подталкивать их на место.

Рядом с ней сидел симпатичный мужчина помоложе, представляющий Генеральный медицинский совет и одетый в оливково-зеленый твидовый пиджак, сшитый на заказ, поверх белоснежной рубашки с запонками в форме пилюль. Цвет глаз такой же насыщенно-шоколадный, как и цвет волос, на щеках и подбородке щетина. На Либби он внимания не обращал, и его улыбки она пока не видела. Вне этих стен он вполне мог бы показаться ей привлекательным.

Последний стол в ряду занимала пышнотелая дама с густыми рыжими волосами, практически без косметики, с топорными черными часами на запястье и одетая в унылый бесформенный балахон. У этой выражение лица помягче, чем у дамы в шотландке. Из ноздри у нее торчал одинокий волосок, и Либби приходилось изо всех сил сдерживаться, чтобы не податься вперед и не выдернуть его. На лацкане жакета дамы красовались красные вышитые буквы «РП» – сокращение от «религиозный плюралист».

А дальше Либби. Ее добровольно-принудительное участие началось, когда юный курьер во флуоресцентном топе сунул ей в руки пухлый конверт с подложкой из пупырки, когда Либби однажды утром уходила с работы. Оседлал свой велик и торопливо закрутил педали, скрывшись из виду, пока она не успела вскрыть конверт, прочесть инструкции и запустить ими в курьера.

Либби сочла розыгрышем, что из всех людей выбрали именно ее, ненавидящую беспилотники пуще всего на свете. Однажды она участвовала в двадцатитысячном марше протеста по Даунинг-стрит, дабы выразить свои страхи перед авто Пятого уровня. И вообразила, что, если ее спросят и она предупредит о своем предубеждении, включение в состав жюри поспешно отзовут. Не тут-то было. А не имея знакомых, которых секвестировали бы подобным образом – во всяком случае, насколько ей известно, – Либби была вынуждена пуститься в онлайн ради поиска отзывов бывших участников. Однако информации было плачевно мало.

Каждый крупный интернет-провайдер получил законодательное предписание удалять и блокировать подстрекательские комментарии, содержащие какие-либо упоминания или домыслы по поводу гражданского долга отбывания повинности в Автотранспортном следственном жюри.

Ее последним прибежищем стал официальный веб-сайт ГДАСЖ, включавший пятиминутный ролик, трубно вещавший правительственную пропаганду, и ничего более. Под давлением противников предоставления искусственному интеллекту такой власти над машинами правительство создало Автотранспортное следственное жюри. Используя данные камер и черного ящика автомобиля, жюри решает, кто виноват в несчастном случае – ИИ автомобиля или Пассажир. Если первый – производители и страховщики несут по искам о компенсации ущерба совокупную ответственность. Также потребуется адекватная и дорогостоящая модернизация программного обеспечения, чтобы эта ошибка больше не повторилась.

Но Либби знала, как редко подобные расследования возлагают вину на ИИ, считая систему практически непогрешимой. Они читала о разгневанных семьях, понесших тяжкую утрату, протестующих против несправедливых вердиктов жюри, возлагавших вину за фатальное происшествие исключительно на их близких. Родственники погибшего права на апелляцию лишены, и в результате некоторые из утративших кормильца заодно лишались и крова над головой.

Как жюри приходит к вердикту, содержится в секрете. Это самоуправляющийся орган, и отчитываться в своих решениях не должен. Либби, убежденной стороннице полной прозрачности, эта часть процедуры тоже была не по нутру.

День отправления долга неуклонно надвигался, и она присягнула использовать эти пять дней служения, чтобы стать рупором меньшинства и оспаривать решения везде, где только уместно.

Но когда Либби переступила порог следственного помещения, стало очевидно, что все ее благие намерения обречены заранее. Всякий раз, стоило ей высказать свою точку зрения,

как поначалу дружелюбный Джек, одновременно уничижая и ободряя, осаживал ее на место столь деликатным пассивно-агрессивным образом, что Либби даже толком не понимала, не навоображала ли она это сама. И в конце концов, к собственному стыду, снова опускалась на стул, признав поражение. В реальном мире она без колебаний встала бы грудью за себя или своих пациентов. Но эта комната не от мира сего. Это частный клуб для избранных, а ей дали лишь гостевую контрамарку.

Внезапно Либби осознала, что все взгляды устремлены на нее.

– Мисс Диксон, мы уже потеряли для вас интерес? – улыбнулся Джек. – Не требуется ли вам, чтобы я повторил что-нибудь из только что сказанного?

– Нет, продолжайте, пожалуйста, – шепнула она с пересохшим горлом.

– Какое великодушие! – ущипнула дама в шотландке.

– Что ж, начнем в чаянии, что наша гостья больше не будет витать в облаках, – продолжал Джек, подмигнув Либби. – Прошу иметь в виду: то, что вам предстоит вот-вот увидеть, содержит особенно наглядные улики.

Либби показалось, что, когда Джек распорядился пустить ролик, на дне его глаз всколыхнулся проблеск восторга.

Глава 10
Джуд Харрисон

Джуда буквально парализовало в автомобиле, с головой, зажатой между ладоней, и разинутым ртом. Он беспомощно смотрел на GPS-карту на мониторе, рассчитывавшую путь к месту назначения, над которым был не властен. До прибытия по указанному адресу в Шотландии осталось два часа двадцать пять минут.

В голове у него снова проигрывался голос, буквально только что прозвучавший из динамиков и уведомивший, что его авто управляет кто-то другой. И если ему верить, скоро Джуд отправится на тот свет. Потянулся к кнопке разблокировки двери, но та не работала. Потянувшись через сиденье, попробовал проделать то же с другой дверцей, но с тем же результатом.

– Ладно, вы меня сделали, – вслух сказал он. – Вы, кто бы там ни делал это, вы уже оттянулись на мой счет. Можете вернуть мне машину? Пожалуйста!

Подождал отклика, но тщетно. Вместо этого авто продолжало катить в направлении, которое выбрал не Джуд.

– Думай, думай, – бормотал он, тыча в пиктограмму за пиктограммой на экране приборной доски в попытке вернуть контроль и над автомобилем, и над запрограммированным местом назначения. Но что бы он ни нажимал, никакой роли это не играло.

– Машина, выйди в онлайн, – приказал Джуд в уверенности, что операционная система автомобиля позволит ему открыть свое руководство пользователя и принудительно обойти навигационную систему.

– Автомобиль в режиме офлайн, – ответила она.

– Нет! – скомандовал Джуд. – Мне нужно выйти в онлайн.

– Автомобиль в режиме офлайн, – упорствовала машина.

Он пробежался по списку альтернативных фраз в надежде, что одна из них может сработать. Наконец произнес:

– Обход системы; остановить на обочине; передача управления водителю; открыть руководство владельца.

Авто не отреагировало ни на одну из команд.

– Машина, делай, на хрен, что я сказал! – гаркнул он в сердцах.

После паузы ОС отреагировала.

– Нет.

Джуд опешил. Он еще ни разу не слыхал, чтобы авто употребляло это словцо. Как правило, если его автомобиль был не в состоянии выполнить приказ, он запрограммирован вежливо ответить: «Прошу прощения, выполнить вашу просьбу в данный момент невозможно», далее сопроводив ответ объяснением причин. Безоговорочного отказа у него и в заводе не было.

Джуд выхватил из кармана наушник и надел его, чтобы сделать телефонный звонок.

– Вызов экстренных служб.

– Нет, – отрезала ОС.

Джуд вспомнил, что при каждой посадке в авто телефон автоматически регистрируется в автомобильной вай-фай-сети. И шарил вокруг, пока не нашел в бардачке входящую в комплект гарнитуру. Изыскал способ отключить вай-фай и перемаршрутизировать телефон на поиск сигнала 5G. Но символ подтверждения подключения исчез так же быстро, как появился. «Сигнал заглушен», – сообщил девайс. Сделав глубокий вдох, Джуд попытался выглянуть наружу в поисках помощи, но окна остались матовыми.

Внезапно динамики ожили, напугав его. На сей раз голос принадлежал женщине.

– Пожалуйста, отпустите нас, – услышал Джуд ее всхлипывания. – Я вам ничего не сделала.

– Алло? Кто это? – для пробы спросил Джуд.

– Кто… кто вы? – столь же неуверенно отозвалась она.

– Джуд… Джуд Харрисон, – ответил он. – С моей машиной что-то стряслось.

– Меня зовут Клер Арден, я внутри «Скептера AR5», регистрационный номер FGY778. Я ехала на работу, когда мое авто поехало в другом направлении и голос сказал мне, что я умру. Мой телефон не работает. Вы не могли бы послать кого-нибудь мне на помощь?

– Я бы с радостью, но я в одной лодке с вами, – вздохнул Джуд. – Я заперт в машине и не могу выбраться.

– Я не поняла… Бен сказал, что купил полный план сервисного и экстренного обслуживания. Вы разве не оператор?

– Нет, извините. Я перепробовал все, что только в голову взбрело, но тоже не могу остановить свою машину.

– Почему… почему такое случилось? – с запинкой пролепетала Клер. – Чего от меня хотят? Денег? У меня их немного, но я могу попытаться наскрести…

– Вам кто-нибудь сказал, что вашу машину хакнули? – осведомился Джуд.

– Да.

– А деньги просили?

– Нет. Мне только сказали, что через два с половиной часа я умру.

Голос ее надломился, и Джуд услышал, что она снова заплакала.

– Мне сказали то же самое, – сообщил он.

– Кто же нам поможет?

– Понятия не имею. По-моему, придется просто подождать, пока нам скажут…

– Сэм, что происходит? – появился вдруг ниоткуда третий голос, преисполненный отчаяния, заполнив машину Джуда.

– Не знаю, но прошу тебя, постарайся сохранять спокойствие, – вступил четвертый, на сей раз мужской.

– Алло! – вскричали Клер и Джуд в один голос.

«Сколько нас таких?» – подумал Джуд и вслух спросил:

– Вы нас слышите?

– Да, кто это? – откликнулся мужчина.

– Мы взаперти в наших машинах и не можем выбраться; вы не можете нам помочь? У вас есть доступ к телефонной связи или вай-фаю?

– Нет, мою жену и меня… кто-то запер нас внутри…

Но прежде чем мужской голос успел договорить, приборная доска в автомобиле Джуда включилась, и он увидел себя на телевизионном мониторе. Его снимали анфас, камерой, встроенной в приборную доску. Потом появились экранчики поменьше, с незнакомыми лицами. Джуд насчитал в общей сложности пять штук.

С сердцем, застучавшим, как пулемет, он вслушивался в пронизанный ужасом гомон замешательства остальных, умолявших объяснить, что с ними стряслось.

А потом так же быстро, как подсоединили, их всех повыключали, снова оставив Джуда в зловещем безмолвии.

Глава 11

Руководство по эксплуатации «Зефертрон Марк 5»

5.b. Как ваша машина определяет погодные условия?

От своей колыбели в калифорнийской Кремниевой долине до экстремальной жары пустыни Гоби, австралийских лесных пожаров и сибирских льдов – автомобили под управлением ИИ проехали по планете девять миллионов миль. Им пришлось преодолевать сыплющийся с небес пепел норвежских вулканов, ураганы на американском Среднем Западе и китайский смог. А в Великобритании вообще не осталось ни одной полосы дорог, где не проехал бы автономный автомобиль. Все элементы собранных данных, какими бы ничтожными они ни были, подверглись тщательному изучению и были использованы для модернизации технических средств в автомобилях всех марок.

Воздев правую руку вверх, Джек Ларссон опустил указательный палец, подавая сигнал одному из двоих своих помощников.

– Дело номер триста двадцать два, – начал он, и видеозапись из едущего автомобиля появилась на планшетах членов жюри. Также велась проекция улицы в виде трехмерной подвижной голограммы, вырисовываемой установленными на стенах лазерами, направленными на стол в центре помещения. Движущиеся автомобили были видны под всеми углами.

Глядя на свой планшет, Либби по положению и близости дороги заключила, что ролик снят камерами высокого разрешения, встроенными в переднюю решетку радиатора автомобиля. В уголке экрана демонстрировалась различная статистика, в том числе скорость авто, погодные условия, уклон дороги и географические координаты.

– Данное происшествие имело место на участке нового градостроительства в непосредственной близости от Хемел-Хемпстеда, – продолжал Джек. – Машина представляет собой «Хаули ЕТ», автономный автомобиль Пятого уровня, изготовленного, как и большинство, из графена и пластика, армированного углеволокном. Единственный владелец, ранее в аварии не попадал, дорожный сбор и страховая премия уплачены своевременно, загружено новейшее программное обеспечение.

На экране планшета Либби видела, как машина едет на стабильной скорости 25 миль в час. Ролик переключился на объектив приборной доски.

– Температура наружного воздуха ровно двадцать два градуса, – вел дальше Джек. – Никаких атмосферных осадков, автомобиль ехал на скорости на пять миль ниже ограничения скорости для сухого асфальтового четырехполосного шоссе, покрытие которого прошло восстановительный ремонт тремя месяцами ранее. В автомобиле находился один Пассажир в условиях умеренного двухстороннего движения в течение двадцати двух минут подряд.

Выскочив будто ниоткуда, белый мопед попытался обогнать авто. Либби невольно отпрянула, упершись в спинку стула в тревожном предвосхищении. Ее взгляд метнулся к голографической проекции, и у нее на глазах мопед юркнул в зазор между «Хаули» и едущим впереди

грузовиком, зацепив передний правый бампер легковушки. Внезапно мопед вильнул влево; ездок попытался взять его под контроль и развернулся, выписав полукруг. Позади него автономное авто резко затормозило, но обогнуть его не сумело. Потом мопед так же внезапно, как и выскочил, опрокинулся в сторону, вместе с ездоком скрывшись из виду под машиной.

Джек снова поднял руку, чтобы дать второй сигнал. Без предупреждения картинка переключилась на камеру, закрепленную на шасси авто. На планшетах членов жюри и самом большом из настенных экранов появилась молодая женщина, неподвижно застывшая на дороге с конечностями, торчащими под немыслимыми углами, и разбитой левой половиной черепа. Рядом валялся ее шлем. Либби отвела взгляд от планшета, но тут же наткнулась взглядом на то же изображение куда большего масштаба, застывшее на стене.

Нахлынула тошнота, когда память на миг перенесла ее на два года назад, на бирмингемскую Монро-стрит. Либби увидела себя совершенно беспомощно стоящей на дороге, вдыхая запах резины шин, слыша хруст битого стекла под подошвами кроссовок и глядя на собственные ладони, запястья и манжеты блузки, залитые кровью. Моргнув, отогнала воспоминание.

Из шести дел, представленных для расследования вчера, ни одно не было столь чудовищно натуралистичным. Либби повернула голову, чтобы взглянуть на коллег, но на их лицах не отразилось ни проблеска чувств. Они занимаются этим настолько давно, что выработали иммунитет к виду смерти. Либби – нет. Хотя та и преследует ее всю жизнь.

Темноволосый и темноглазый представитель Генерального медицинского совета встал на ноги и указал лазерным пером на стену. Появилась красная точка, и ролик начал воспроизводиться заново в замедленном движении. Либби не поднимала век.

– Как видите, – повел он, – когда ездок появляется, автомобиль почти ничего не может сделать, чтобы избежать этого. Он делает, как было запрограммировано, и резко тормозит, но столкновение неизбежно.

– Какова причина смерти? – осведомился Джек.

– Результаты вскрытия показали, что она наступила в результате серьезных черепно-мозговых травм ствола мозга, лимбической коры и черепа. Вероятнее всего, смерть была мгновенной.

– А что случилась с ее защитным шлемом? – поинтересовалась женщина в шотландке. – Его что, сбило при столкновении?

– Да, он не был пристегнут как следует. Шлем был подвергнут независимым испытаниям, не обнаружившим ни волосяных трещин в оболочке, ни проблем с подбородочным ремешком или изъянов в его изготовлении.

– Суетное тщеславие, – Джек резко потянул носом. – Это и есть первопричина, попомните мои слова. Глупая девчонка больше заботилась о внешности, чем о собственной безопасности.

Либби открыла глаза и рот, чтобы запротестовать, но тут же стушевалась.

– Что нам известно о Пассажире? – справилась представительница религий.

– Мужчина, тридцать семь лет, работает в финансовом округе Лондона, арестов и судимостей в личном деле нет, – доложил Джек. – У него двое детей моложе пяти лет, и он единственный кормилец в семье. Очевидно, он был крайне потрясен и произошедшим, и ремонтом автомобиля, который пришлось произвести из своего кармана.

– А жертва?

Джек бросил на нее предостерегающий взгляд.

– Вам прекрасно известно, что мы *никогда* не называем погибших «жертвами». Здесь нет жертв, если только мы не решим, что их кончина была неправомерной.

Религиозная представительница понурила голову, будто собака после выволочки, а Джек продолжал:

– Владелице двухколесного транспортного средства было девятнадцать лет, криминальное досье чистое, студентка театрального факультета, первый курс университета. Заслуживающих внимания иждивенцев не имела.

Либби вспомнились ее собственные подростковые годы, особенно то, как изменилось ее отношение к жизни, когда брат отнял свою. Все радикально переменилось в тот миг, когда она обнаружила тело Никки, висящее на осветительной арматуре в его спальне. Раскол в семье образовался тотчас же, и с годами трещины становились все длинней и шире. Он умер по ее вине, и Либби никогда не простит себе, что позволила этому случиться. Ей никогда не избавиться от раскаяния за неспособность возвысить голос и высказать собственные опасения. Больше она подобного не допустит.

Внезапно стремление выступить в защиту погибшей взяло над ней верх. Жизнь девушки заслуживает большего, чем просто номер дела.

– Как ее звали? – робко полюбопытствовала Либби.

– А что, есть какая-то разница? – отозвалась женщина в шотландке, наклоняя голову, отчего очки снова соскользнули к кончику носа.

– Да, потому что я хочу знать.

Скосив взгляд, та поглядела на одного из ассистентов в углу комнаты. Он пальцем пролистывал экран, и на планшете шотландской мадам что-то появилось. Она хотела было ответить, когда Джек перебил ее:

– Это секретная информация.

– Какие у нее были отметки?

– Опять-таки секретная информация, мисс Диксон.

Но Либби сдаваться не желала.

– Вы сказали, что она не имела иждивенцев, заслуживающих внимания. Какие именно у нее остались родственники?

– Засекречено.

На сей раз Джек развел руками, будто в знак извинения. Но каждому в комнате было ясно, что верить ему нельзя.

– А как насчет имени водителя, чей автомобиль убил ее?

– Я ценю вашу любознательность, не меньшую, чем у возбудимого щенка, – Джек тряхнул головой, – однако, боюсь, ничего из вышеозначенного не имеет ни малейшего отношения к результату нашего решения. – Он поглядел на даму в шотландке: – Какие-либо неисправности в автомобиле обнаружены?

– Черный ящик дал стандартный осмотр вкупе с полной диагностической проверкой, и никаких ошибок не обнаружено, – ответила она. – С юридической точки зрения я не сомневаюсь, что это человеческая ошибка, вызванная действиями ездока мопеда.

– Почему машина не попыталась уклониться от нее? – не уступала Либби. – А только затормозила?

Бросив взгляд на остальных, Джек закатил глаза, изобразив очередную фальшивую улыбку.

– Вам неизвестно, как автономный автомобиль принимает решение в сценарии «жизнь или смерть», мисс Диксон?

– Да, конечно, но…

Однако Джек, ничуть не интересуясь ответом Либби, перекрыл ее:

– Тогда вам известно, что, если автомобиль, подобный тому, который мы только что наблюдали, тормозит без поворота, значит, это рассчитанный риск, и этот выбор сделан по весьма и весьма веской причине.

– Поглядите на левую и правую стороны голограммы, – подхватил темноволосый, менее снисходительно, чем Джек, но все равно избегая встречаться с Либби взглядом. – С одной

стороны припаркованные машины, с другой – поток движущихся автомобилей. Поворот на полосу движения привел бы к большему числу пострадавших. Рядом с припаркованными автомобилями проходит тротуар – под этим углом видно, что там не меньше двадцати пешеходов. Столкновение с любым из этих авто могло бы выбросить их на пешеходов.

– *Могло бы,* – повторила Либби. – Однако наверняка это неизвестно, не так ли?

В комнате воцарилось молчание, и она осознала, что даже ассистенты Джека нервно переглядываются. Но идти на попятный Либби была еще не готова.

– У вас есть проекция того, какие именно машины она бы ударила, материалов, из которых они сделаны, и силы, которая нужна, чтобы вытолкнуть их на тротуар? – спросила она.

– Я… я… не думаю, что у нас есть… – промямлила дама в шотландке.

– А разве мы не должны располагать информацией такого рода, прежде чем выносить суждение?

– Мисс Диксон… – начал Джек, направляясь к Либби и останавливаясь перед ней. Когда он навис над ней, она почувствовала себя совсем маленькой и незначительной. – Вы бы предпочли, чтобы автомобиль рассчитал курс действий, рискующий жизнью водителя и пешеходов, чтобы спасти глупую девчонку? Значит, множество людей должны были заплатить своими жизнями за ее идиотизм?

Либби прикусила нижнюю губу изнутри, чтобы та не дрожала.

– Я думала, что эти расследования нужны для того, чтобы мы обсуждали случившееся и принимали решение совместно, – произнесла она. – А сегодня все оборачивается, как вчера, – вы уже вынесли вердикт, и машина никогда ни в чем не виновата.

Отступив на шаг, Джек ущипнул себя за переносицу.

– Насколько понимаю, вы здесь второй день? Я не рассчитываю, что человек, подобный вам, способен постичь разработку программного обеспечения от и до. Однако рассчитываю, что вы доверяете тому, что говорит вам ваше правительство. В программное обеспечение, используемое в ИИ, внедрены принципы гуманизма, руководящие процессом принятия решения автомобилем.

Чем снисходительнее становился Джек, тем больше подстегивал откровенное неповиновение Либби.

– Вы пытаетесь заставить меня поверить, что ИИ обладает теми же когнитивными способностями, что вы и я? Машина лишена жалости и сопереживания и не оперирует нравственными нормами, как мы.

– Нам надо рассмотреть еще массу дел, так что, пожалуй, лучше пойдем дальше, – изрек Джек. – Если только больше никто не хочет добавить ничего уместного по этому делу, тогда, может быть, проголосуем?

Остальные, за исключением Либби, выразили согласие.

– Будьте любезны, поставьте галочку в одном из двух окошек в углу экрана…

Звонок телефона в углу комнаты не дал ему договорить. Один из его ассистентов снял трубку, и Либби заметила, что он мгновенно побелел, как плат.

– Сэр, – обратился он к Джеку, – мы вынуждены на время приостановить слушания.

Голограмма исчезла, и прерывистый писк заставил все головы обратиться к отпершимся и широко распахнувшимся большим двустворчатым дверям. Двое массивных работников службы безопасности, обыскивавшие Либби по прибытии, поспешили внутрь с группой коллег, следующих по пятам.

– Не будет ли кто-либо любезен объяснить, что происходит? – спросил Джек.

– Извините, что прерываю, – сурово начал более низкий из двоих охранников, – но возникла ситуация, требующая вашего неотложного рассмотрения.

С помощью собственного планшета он листал экран, пока на нем не появилась трансляция новостного телеканала. Охранник спроецировал ее на один из телевизионных экранов на

большой стене. Тот показывал канал круглосуточных новостей, и на нем появилась впавшая в истерику женщина внутри движущегося автомобиля, мечущаяся от окна к окну и колотящая по стеклу кулаками. Либби сразу же заметила, что та беременна.

– Кто это? – осведомилась религиозная представительница. Вокруг изображения паникующей незнакомки вспыхнули четыре экранчика поменьше. Каждый показывал других Пассажиров в других автомобилях, и все они были явно напуганы и озадачены.

– Джек? – спросила дама в шотландке, вопросительно глядя на него. Бессмысленное выражение его лица красноречиво заявляло, что он знает об этом не больше, чем Либби.

– Включите звук, – распорядился Джек, когда на экране заговорила ведущая программы новостей.

– Для зрителей, только что присоединившихся к нам, сообщаем, что мы еще пытаемся проверить достоверность этой прямой трансляции. Но если то, что нам сообщили, соответствует действительности, то, судя по всему, четыре беспилотных автомобиля больше не подчиняются своим Пассажирам. Мы всё еще ждем официального заявления, но высказывается предположение, что автомобили, которые вы видите, были взломаны хакерами.

– Что за нелепость! – свысока отмахнулся Джек. – Это невозможно.

– Они сеют панику, – откликнулась дама в шотландке. – Как можно такое показывать?! Это безответственно.

– Сейчас же дайте мне Вестминстер по засекреченной линии, – Джек повернулся к низкому сотруднику безопасности.

Взгляд Либби переходил от Пассажира к Пассажиру; каждый реагировал на происходящее с ними совершенно по-своему. Внезапно, когда появился пятый экран, челюсть у нее отвисла и дыхание перехватило.

Глава 12
Клер Арден

GH GLOBAL HEADLINES

Издание – Великобритания **Лондон, 6 апреля**

НАЙДЕНА УЯЗВИМОСТЬ В ПРОГРАММНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕСПИЛОТНЫХ ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ 5 УРОВНЯ

По имеющимся данным, Пассажиры ряда британских автономных машин испытывают трудности при попытке покинуть свои транспортные средства.

Неизвестный источник транслирует в социальных СМИ видеоматериалы, показывающие водителей, оказавшихся в бедственном положении в различных местах. Министр транспорта Гарри Даулинг воспользовался «Твиттером», чтобы заверить Пассажиров мобилей уровня 5, что «тревожиться не о чем» и что ведется расследование.

Голоса остальных плененных Пассажиров принесли Клер капельку утешения, что против собственной воли удерживают не ее одну. Но когда звук из стереосистемы отключился так же резко, как и появился, одиночество вернулось с новой силой. Тревога на вкус жгла, как кислотная отрыжка, так что Клер крепко сглотнула, чтобы удержать ее внутри, а не рисковать, что та ее пожрет.

«Бен знает, что делать, – думала она. – Бен всегда знает, что делать». И тут же застопорилась на полном скаку – она на минутку забыла, что не может ему позвонить.

Мысленно пролистала варианты. Обратиться за помощью в полицию или к подружкам она не может – потребуется слишком много объяснять. Остается лишь один человек. «Энди. Он единственный».

Лично она с отстранившимся братом не встречалась уже три Рождества, но они поддерживали связь посредством неопределенных, спорадических голосовых посланий. Однако Клер даже не представляла, где он пребывает с тех пор, как комиссия по УДО освободила его досрочно. Оставалось лишь уповать, что Энди живет не слишком далеко. Если он ответит на звонок и она выложит ему всю правду о случившемся сегодня утром, он наверняка не осудит ее. Но, зная его как облупленного, как может знать родной человек, Клер не сомневалась, что он будет рассчитывать на финансовую компенсацию в ответ за помощь и молчание.

– Роксанна, – сказала она вслух; этим именем Бен окрестил операционную систему – в честь бывшей подружки, с которой Клер однажды встретилась и тут же прониклась к ней неприязнью. Бен же считал, что это забавно. – Мне нужно, чтобы ты позвонила Энди… – Но ей не довелосьсказать больше ни слова.

– Система связи вне доступа, – ответила Роксанна. Клер сделала несколько попыток повторить команду, но безуспешно.

Осознание огрело ее как обухом: вырваться из этого авто невозможно. Она одна-одинешенька. И, словно напоминая о своем присутствии, ребенок чувствительно пнул ее изнутри. Клер поправилась: она не одна, она с сыном. И ради него должна пережить эти мытарства. Она должна защищать его, как никого прежде, даже Бена. Она ни за что его не подведет.

Когда ребенок заворочался и лягнулся снова, Клер осталось лишь надеяться, что стресс утренних событий не повредил ему. Она только-то и смогла, что пустить в ход дыхательные упражнения, которым ее научили на курсах по методу Ламаза. Ей вспомнилось, как они с Беном вдвоем хихикали все уроки напролет и как он мертвенно побледнел, когда ему пришлось смотреть видео родов. Теперь она начала с глубокого, медленного очистительного дыхания, прежде чем перейти к легким неглубоким вдохам. Через пару минут выяснилось, что это вроде бы сработало и ребенок утихомирился снова.

– Мы будем в полном порядке, – шепнула она ему, ласково массируя выпуклый живот размером с футбольный мяч. – Просто сохраняй спокойствие, и мы отыщем выход из этой передряги. Раз уж добрались досюда, то уж теперь не сдадимся.

Клер украдкой бросила взгляд в заднюю часть машины, и тонкие волоски на задней стороне шеи у нее встали дыбом.

– Мамочка сделает все, что потребуется, несмотря ни на что.

Глава 13

– Не может быть! – шепнула Либби, уставившись на изображение на экране, почти не в силах поверить собственным глазам. Склонила голову, вперив в него беспощадный взор и пытаясь совладать с удушьем. Игнорируя остальных Пассажиров и замешательство в следственной комнате, она сосредоточилась только на одном лице.

«Человек, на поиски которого ты потратила шесть месяцев, застрял в беспилотном авто».

Рациональная часть мозга Либби приняла командование на себя, задавшись вопросом, действительно ли это человек, которого она встретила в баре шесть месяцев назад. Может, рассудок дурачит ее? Или это просто человек, очень на него похожий? Уверенности она не испытывала.

Мало-помалу тщательно вгляделась в его наружность. Сходство просто поразительное. Он похудел по сравнению с тем разом. Скулы обострились, а так запомнившиеся ей искрящиеся глаза угасли. Впрочем, будь на его месте она, сияние ее глаз тоже наверняка померкло бы.

Единственный способ удостовериться, что она видит того самого человека, – услышать его речь. Его губы шевелились, но из громкоговорителей в комнате не раздавалось ни звука. Либби прикидывала, не поделиться ли этой новостью с остальными членами жюри, но уверенность, которую она сумела призвать пару минут назад ради спора с Джеком, развеялась так же быстро, как нахлынула, заодно прихватив с собой и ее голос. Покамест она подержит язык за зубами.

Либби отвела взгляд от экрана, на миг отвлекшись из-за сотрудника, ответственного за проецирование видеоматериалов на видеостену. Тот лихорадочно пролистывал экран своего планшета во всех направлениях, потом переключился на стенографическую машину, чтобы повторить те же манипуляции.

– Не получается, – признался он. – Ничего не понимаю! Я больше не в состоянии управлять тем, что выводится на экран.

– Тогда кто же им управляет? – поинтересовался его коллега. Тот лишь плечами пожал.

Тем временем один из сотрудников службы безопасности поднес Джеку телефон. Тот зашагал к дверному проему и остановился под архитравом, вне пределов слышимости, под устремленными на него взглядами всех присутствующих, дожидающихся логичного объяснения этой трансляции. По медленно багровеющему лицу и вспухающим венам по обе стороны толстой шеи Джека было ясно, что он теряет терпение.

– Что ж, найдите кого-нибудь, кто *может* мне сказать! – рявкнул он и дал отбой.

– Джек? – спросил единственный, кроме него, мужчина в жюри. – Что происходит?

Джек помолчал, чтобы собраться с мыслями.

– Это еще нуждается в подтверждении, но есть вероятность, что незначительное количество автомобилей могли быть… *временно* скомпрометированы.

– Что вы имеете в виду под «скомпрометированы»? – осведомилась религиозная представительница.

– Хотите сказать, они взломаны? – подхватил ее коллега-мужчина.

Джек промолчал, и Либби ощутила, что желудок у нее скрутило в тугой ком размером с кулак.

– Я не говорю, что случилось *именно* это; я говорю, что существует потенциальная *возможность* чего-то в подобном роде. Я ожидаю дальнейшей информации от коллег из Министерства внутренних дел и Министерства транспорта.

– Взломаны? – повторила дама в шотландке. – Но это же полнейшая бессмыслица. Эти автомобили *защищены от взлома*. Так нам заявляли с самого начала, верно?

– Именно так вы убедили общественность возложить доверие на беспилотные мобили, – присовокупил темноволосый. – Были даны железобетонные гарантии, что, поскольку автомобили взаимодействуют с внешним миром лишь в случае необходимости, нет ни линии постоянной связи, ни «облака», которые можно было бы взломать. А теперь вы заявляете нам, что их можно скомпрометировать?

– Уверен, это всего лишь досужие домыслы и слухи, – изрек Джек, но его тонкая усмешка быстро угасла, и он изо всех сил постарался скрыть свою озабоченность.

Внезапно еще двенадцать телеэкранов заполнились изображением – на сей раз пожилого человека с пришпиленной к пиджаку на левой стороне груди горсткой медалей. Его язык телодвижений резко контрастировал с поведением остальных – глядя за окно своего движущегося автомобиля, он выглядел совершенно расслабленным.

– Итого шестеро, – отметил член жюри мужского пола, и в этот миг звук новостного телеканала вернулся.

– И мы только что получили подтверждение из правительственных источников, что люди, которых вы видите в машинах, захвачены третьей стороной, однако кем и с какой целью, пока неизвестно. Мы можем лишь сообщить вам, что все они, судя по всему, едут из разных уголков страны к одному и тому же месту назначения. Полиция также признаёт, что каждого Пассажира при этом предупредили, что они могут погибнуть сегодня до полудня.

– Погибнуть?! – охнула религиозная представительница и обернулась к Джеку: – Вы же минуту назад заявили, что существует лишь потенциальная возможность, что эти машины были взломаны! И что же теперь, кто эти люди? *Заложники*? Вы хотя бы в курсе, что там происходит?

Больше скрывать свое недовольство Джек не мог.

– И почему я слышу это по каналу новостей, а не от кого-либо из вас? – заорал он на ближайшего члена своей команды. – Если машины на моих дорогах захватывают, тогда почему я узнаю об этом последним?

– Мы пытаемся определить, кто находится в каждой машине, а также марки и модели в надежде, что изготовители отыщут способ остановить их дистанционно.

– *В надежде?* – переспросил Джек. – Не кормите меня «надеждами», предъявите мне результаты. И почему мне не перезвонил никто из моей собственной канцелярии? Подключите мне немедленно Центральный правительственный оперативный штаб. – Он потер глаза и тряхнул головой, а ассистент торопливо ринулся прочь.

– Вот и номер семь, – отметил темноволосый, когда экран заполнило очередное ошеломленное лицо – на сей раз женщины азиатского происхождения.

– Когда это кончится? – вопросила религиозная представительница. – Кто эти люди? Как их выбрали? Почему именно их?

– Не следует ли вам лучше помолиться за них, чем задавать столько дерьмовых вопросов? – огрызнулся Джек и воззрился на телефон у себя в руке.

– Номер восемь, – продолжал темноволосый. На очередном экране появилась женщина в хиджабе. – Сколько ж их там еще?

Либби заметила, как руки Джека стиснулись в кулаки, глаза яростно вспыхнули.

– Бога ради, я и сам вижу, что происходит. Мне не нужен сраный репортаж с мест! Мне нужно, чтобы вы все заткнулись и я мог подумать.

– А это, случаем, не София Брэдбери, артистка? – спросила дама в шотландке.

– Нет, не может быть, – возразила религиозная представительница, подвигаясь на краешек стула, чтобы взглянуть поближе. Новостной канал тем временем сфокусировался на Софии, для сравнения выдав рядом фильмотечный материал ее актерской игры. – Вы правы. Ну, чтоб меня…

Ее перебила ведущая новостей:

– Материал, который мы сейчас дадим в эфир, был взят из источников в социальных СМИ. Он содержит момент, когда каждого из этих людей, которых мы пока именуем Пассажирами, известили о том, что с ними происходит.

Каждая пара глаз в помещении устремилась на самый большой экран, на котором Клер Арден забралась в свой автомобиль, прежде чем тот отъехал. Вскоре после этого голос уведомил ее о захвате. Последовали истории других Пассажиров, и всех их сходным образом проинформировали, что им вынесен смертный приговор. Они реагировали со смесью недоверия, страха и замешательства. Либби переживала за каждого, но за одного – превыше всех. *За него.*

Она рассеянно крутила серебряное колечко на пальце, круг за кругом, пока наконец не дошла очередь до его ролика. Хакер назвал его Джудом, и когда тот ответил, Либби слушала его голос во все уши.

– Кто это и как вы узнали мой номер? – спросил он.

Это и стало подтверждением, в котором она нуждалась и которого страшилась в равной мере.

«Это ты», – подумала Либби.

Глава 14

Либби не знала, как реагировать. Ей хотелось расплыться в улыбке, плакать, кричать и колотить кулаками по столу, вопя, как это несправедливо. Но она понимала, что должна держать эмоции в крепкой узде. Ей еще надо переварить то, что она знает о Джуде, прежде чем открыть правду группе чужаков, до которых ей почти нет дела.

«Джуд», – повторила она про себя. Теперь у него есть имя. Как в песне «Битлз», которую ее братец Никки частенько проигрывал. И не могла не думать, что если бы расслышала имя Джуда в вечер встречи, то могла бы отыскать его раньше. Тогда он мог бы не оказаться на экране перед ней запертым в машине, грозящей ему смертью. Теперь на их экранах появилось имя каждого Пассажира, и вдруг они стали людьми, а не безымянными лицами.

– Уточненные сведения, живо! – гаркнул Джек в другом конце комнаты; Либби аж подскочила.

– Национальный центр кибербезопасности пытается отследить серверы, с которых ведется прямая трансляция, – доложил один из его команды. – Но они могут находиться где угодно, с перенаправлением через множество стран. И даже если их найдут, маловероятно, что они окажутся в пределах юрисдикции, допускающей правовое вмешательство.

– Ладно, прикажите новостным каналам вырубить освещение этих событий. Общественности незачем знать о происходящем больше, чем она уже узнала. Это лишь усугубляет ситуацию.

– Они нам не подчиняются.

– Подчиняются, когда речь идет о террористических актах. С кем мне надо переговорить о немедленном запрете на распространение новостей?

– Но они не только на этом канале, мистер Ларссон; они идут по всем крупным новостным станциям наземного, кабельного и спутникового вещания. Даже если все их убрать из эфира, люди смогут продолжать смотреть онлайн-трансляцию, потому что все это транслируется, как есть, в социальных медиа. «Фейсбук лайв», его собственный телеканал, «Твиттер», «Снэпчат», «Ю-тьюб лайв», «Инстаграм сториз», «Инстаграм ТВ» и «Вево»… и это только крупнейшие. Других стартапов просто не счесть…

Он смолк, услышав звонок телефона Джека. Через несколько секунд разговор его начальника внезапно оборвался, и Джек испустил долгий вздох.

– Меня известили, что теперь этот инцидент считается враждебным нападением на нашу страну, – сообщил он.

– Чьим? – спросил темноволосый.

– Пока что ответственность на себя не взяла ни одна фракция или политическая группировка. Меня проинформировали, что все, кто есть под рукой в ЦПОШ[6], работают над этим в первую очередь. США и Россия тоже оказывают им содействие.

– Должна же иметься какая-то процедура на случай чего-то подобного? – поинтересовалась Либби. Джек взглянул на нее с прищуром, но это не положило конец ее вопросам. – Уж наверняка есть какой-нибудь план Б на любой случай?

– А разве похоже, что какая-то дерьмовая процедура вообще есть? – ответил Джек. – Не кажется ли вам, что, будь у нас процедура, мы уже давно выполняли бы ее полным ходом?

– Я ничего не знаю о программировании, зато знаю, что, когда дело связано с компьютерами, о полной безопасности не может быть и речи. Располагая нужными ноу-хау и мотивацией, злоупотребить можно чем угодно.

Джек ожег Либби столь агрессивным взором, что ей захотелось растаять, как снег.

---

[6] Центральный правительственный оперативный штаб.

– Почему вы еще здесь, мисс Диксон? – спросил он, сменой темы выбив ее из колеи.

– Потому что… я…

– Ничего из здесь происходящего вас не касается, не так ли? В случае, если вам еще не ясно, это инцидент национальной безопасности; следовательно, вам больше не требуется отправлять почетную обязанность в моем жюри. А теперь проваливайте.

Либби оглядела комнату. Никто не вступился за ее причастность, так что она поднялась на ноги. Но когда уже потянулась за сумочкой, ее вдруг охватила озабоченность тем, что стрясется с Джудом, если ее не будет в этой комнате. Она ничем не может ему помочь, но стечение обстоятельств заставило их дорожки пересечься во второй раз, и она чувствовала себя обязанной оставаться, пока угроза не минует. Перспектива отсутствия пугала ее куда сильнее, чем Джек.

– Нет! – отрубила она, выпуская сумочку на стол. – Я не напрашивалась в это жюри; правду говоря, я пыталась отвертеться от участия в нем. Но сотворенные вами законы понудили меня прийти сюда против собственной воли, так что я шагу отсюда не сделаю. Раз случившееся не знает прецедентов, значит, у вас нет оснований для моего выдворения.

Либби уперла руки в боки, преисполнившись решимости, как никогда. Никто даже не заметил, что по ту сторону стола колени у нее трясутся, как кленовый лист.

– Мисс Диксон! – взревел Джек. – Будьте добры убираться к чертям с моего следствия, пока я не вышвырнул вас лично!

И уже зашагал было к ней, когда темноволосый, подскочив со своего места, заступил ему дорогу.

– Прекратите, Джек. Проблема здесь не в мисс Диксон, – и впервые поглядел на Либби – чуть ли не сконфуженно, словно извиняясь за поведение коллеги. – Если она хочет остаться, пусть остается. У нас куда более серьезные поводы для озабоченности.

В мгновение, когда из динамиков зазвучал голос, в воздухе будто морозом повеяло. Они узнали этот голос по роликам, в которых он предупреждал каждого Пассажира о его участи – звучный, вкрадчивый, источающий спокойствие и противоречащий беспощадности его слов.

– Вам следует прислушаться к нему, Джек, – начал Хакер. – Вам надо разобраться с более насущными материями, нежели пытаться устранить мисс Диксон из этого процесса.

Джек резко повернул голову, вперившись в свою команду взглядом, ожидающим объяснений.

– Кто его подключил?

– Я сам подключился, – отозвался Хакер. – Уж если я способен хакнуть восемь автомобилей навскидку и транслировать их вживую на обозрение всему свету, неужто вы думаете, что я не найду способ пробраться в ваш гадюшник, так ведь?

– Кто он, черт возьми, и откуда знает, что я здесь? – Джек вздернул верхнюю губу, как ощерившийся пес, загнанный в угол. Повернулся к Либби, уставив на нее указующий перст: – Ваших рук дело? Остальным я доверяю, а вы – кукушка в моем гнезде.

– Разумеется, нет! – отрезала она.

– Я знаю вас наперечет, – вел свое Хакер. – Присутствует также Фиона Прентис, барристер шотландского происхождения из адвокатской конторы «Роджерс и Фримут», мать дочери Табиты, состоящая в браке с мужем Джорджем в течение двадцати пяти лет. Далее следует Мюриэл Дэвидсон, религиозная плюралистка, шесть лет в браке с женой Лаурой, обе ожидают своего первого ребенка в июле. Справа от вас находится доктор Мэттью Нельсон, патологоанатом, недавно разведен, детей не имеет; и, наконец, член Парламента и министр транспорта Джек Ларссон, дважды женат и дважды разведен, детей не имеет.

Переглянувшись между собой, члены жюри как один повернулись к Джеку, словно он мог заверить их, что их личности значения не имеют. Он им такого утешения не дал, вместо того обратив лицо горе´ и устремив взгляд в потолок, словно беседовал с Богом.

– То, что вы делаете, – террористический акт, – заявил он. – Вы напали на нашу страну и угрожаете убийством наших людей.

– Вы меня неправильно поняли. Я не *угрожаю* убить наших людей. Я даю вам слово, что *убью* наших людей еще до полудня. И вы ничем не сможете мне помешать. Так что попрошу присесть, дабы мы могли обсудить, что будет дальше. Мисс Диксон, пододвиньте стул и чувствуйте себя как дома.

Джек попытался проявить строптивость, оставшись, где стоял, с выпяченной грудью и шумно дыша через ноздри на всю комнату. Но в конце концов спасовал и, ни на кого не глядя, вернулся на свое место.

Глава 15

Молчание членов жюри, сотрудников службы безопасности и вспомогательного штата в следственном помещении было почти осязаемым. Каждый переваривал про себя чудовищность угрозы Хакера.

– Чего вы от нас хотите? – спросил Джек, сложив ладони, словно в молитве.

– Ну-ну, Джек, всему свое время, – снизошел Хакер. – К чему торопить события? В том-то и беда с людьми вроде вас, правда? Вечно вам неймется попасть куда-нибудь побыстрее, вечно вам неохота просто устроиться поудобнее и насладиться текущим моментом… Сейчас у вас на глазах творится история, события, подобных которым мир еще не видел. Сегодняшний день войдет в анналы, люди будут помнить его десятилетиями. И вы с вашей командой окажетесь в самом центре… Если позволите, прошу снова обратить внимание на стену.

Джек помешкал, прежде чем его взор неохотно последовал примеру остальных. Послышались ошеломленные охи, когда они узрели на экране собственные лица. Откуда-то из недр этой засекреченной комнаты на них – а конкретнее, на Джека – была нацелена камера.

– У вас тут подковерное сборище, не так ли? – проворковал Хакер. – Перебираетесь с места на место с недельными заседаниями раз в месяц; общественность не знает, кто вы; закон не обязывает вас давать разъяснения к принятым вами решениям; вы грозите представителям общественности, приглашенным только для проформы, судебным преследованием, если те откажутся принять участие, а потом, когда они это участие принимают, вы так их уничижаете, что они слишком напуганы, чтобы задавать вопросы или высказывать мнения. Этакая автократия в миниатюре. Что ж, отныне это дело прошлое, Джек. Сегодня этому положен конец. Вас транслируют по всей планете. Нет на свете уголка, где не засветилось бы ваше лицо.

Члены жюри увидели, как команда Джека перешла к действиям, рассыпавшись по комнате с локаторами электронных устройств, чтобы отыскать местоположение камеры.

– Здесь! – крикнул один, когда его примочка запищала. – Над дверью!

Подскочив со своего места, Джек поспешил к двери, где сграбастал стул и взобрался на него. Неуверенно балансируя на нем, принялся шарить пальцами по неровной поверхности стены, пока не наткнулся на что-то слегка выпирающее. Большой экран внезапно потемнел, когда пальцы Джека сжали крохотный объектив не более полусантиметра диаметром, прежде чем сковырнуть его со штукатурки. Волком зыркнув на предмет в ладони, Джек швырнул его на пол, слез со стула и занес ногу.

– Я бы дважды подумал, прежде чем поступить так, – осадил его Хакер. – Это будет не самое мудрое из принятых вами решений. На каждое из ваших сегодняшних действий последует противодействие.

– Джек, – обеспокоенно шепнула Мюриэл, – пожалуй, вам следует прислушаться…

– Они знают, как мы выглядим и кто мы, – заартачился тот. – Мы должны пресечь это в корне. Мы не можем позволить себе выказать низкопоклонство.

Ухмыльнувшись в объектив, Джек наступил на камеру, для верности покрутив на ней каблуком. Экран погас. Однако на место прежнего тут же выскочило новое изображение комнаты и людей в ней, на сей раз под другим углом. Ухмылка сползла с лица Джека.

– По-вашему, я установил только одну камеру? – поинтересовался Хакер. – Я как-то даже обижен, что вы считаете меня лентяем. На самом деле по этой комнате рассеяны десятки камер; до некоторых вы сумеете добраться, до других – нет. Но на данный момент это самая ничтожная из ваших проблем. Вы меня поняли?

Джек едва заметно кивнул.

– Так что перейдем к повестке дня. Я захватил контроль над восемью вашими автономными мобилями – теми самыми автомобилями, о невозможности взлома которых ваше правительство клятвенно заверяло, – и могу распоряжаться ими по собственному усмотрению. Эти Пассажиры представляют различные срезы современной британской жизни. Некоторые из них – родители, некоторые – дети. Самой младшей чуть за двадцать, самым старшим за семьдесят. Некоторые трудоустроены, некоторые нет. Некоторые родились и воспитаны здесь, некоторые прибились к этой некогда великой, но ныне расколотой стране. Шестеро из них были выбраны с умыслом, а двоим остальным не повезло оказаться в неподходящем месте в неподходящее время, потому что им потребовалось такси, и для меня они такие же незнакомцы, как и для вас. Однако все лица на этой видеостене объединяет одно: я запрограммировал для каждого из их автомобилей одно и то же местоположение. Оно находится приблизительно в двух часах десяти минутах от текущего момента. Эти восемь автомобилей сойдутся и, двигаясь на скорости около семидесяти миль в час, столкнутся друг с другом лоб в лоб.

Глава 16

Звук трансляции из машин Пассажиров тотчас же вернулся – хор смятения, страха и отчаяния из-за угрозы Хакера.

Либби хотелось зажать уши ладонями, чтобы попытаться отгородиться от их голосов, молящих о пощаде, но она лишь крепко стиснула руки на столе. Хоть ее собственная жизнь и вне опасности, она такая же участница происходящего, как и эти люди. И ее долг перед ними – расслышать и ощутить их боль, а не шарахаться от нее.

Больше всего ее угнетала реакция беременной. Клер, как именовал ее титр на экране, была безутешна. «Как же моя детка? – рыдала она. – Пожалуйста, не убивайте моего сына». Либби перевела взгляд на другой экран, где темнокожая женщина в красочном хиджабе закрыла глаза и бубнила то ли песнопение, то ли молитву на чужом языке. Потом взор Либби вернулся к Джуду. Его грудь медленно вздымалась и опадала, черты лица лишены всякого выражения. «Почему из семидесяти миллионов человек в стране в эту беду попал именно ты? – вопрошала она себя. – Впрочем, почему бы и не он? Почему бы не любой из них?»

Вдруг, без предупреждения, по комнате раскатился голос одного из Пассажиров:

– Либби, это ты?

Все головы повернулись к ней, а Джуд устремил взгляд прямо в камеру на своей приборной доске. Либби смотрела на него с зачастившим сердцем. Ей хотелось одарить его такой же теплой улыбкой, как тогда, когда взгляды их встретились через весь паб. Но вместо того она выбрала более уместную улыбку участия.

– Да, я. – Подняла было руку помахать ему, но вовремя одумалась.

– Либби, о боже! – ответил он, словно так же обрадовался при виде нее, как она. – Что ты там делаешь?

– Я была выбрана для отправления гражданского долга в жюри присяжных.

– Как… как ты поживаешь?

– Нормально… ну, было нормально, пока ты не появился на экране.

– Вы знакомы? – встрял Джек. Его изумление быстро приобрело обвинительные нотки. – Я же говорил, что она как-то в этом замешана. Я хочу, чтобы ее увели и задержали до полицейского…

– Ну-ну, Джек, – оборвал его Хакер. – Успокойтесь и дайте им поговорить.

– Почему вы не упомянули, что знакомы с ним? – осведомилась Мюриэл не менее подозрительно, чем Джек.

– Я не была уверена, пока не услышала его голос. Мы встретились всего раз несколько месяцев назад в баре в Манчестере.

– Ты хоть представляешь, сколько сил я положил, разыскивая тебя после того вечера? – спросил Джуд.

Сердце Либби затрепетало.

– Я тоже пыталась тебя разыскать, – ответила она. – Музыка была настолько громкой, что твое имя я не расслышала, и это было все равно что искать иголку в стоге сена.

Джуд вроде собирался что-то ответить, но тут его перебил Хакер:

– Позже у вас еще будет возможность поворковать, голубки. Однако время никого не ждет, и уж определенно вас, Джек.

Тот перевел взгляд на громкоговорители.

– Вы можете потратить остаток утра на шпионские игры, обыскивая комнату в поисках припрятанных мною глаз-бусинок, но, если позволите, я привлеку ваше внимание к машине номер восемь.

Самый большой из экранов переключился с показа членов жюри на самого пожилого из Пассажиров с густыми белоснежными волосами, млечно-голубыми глазами и безмятежным выражением лица. Над карманом его пиджака были приколоты блестящие медали. Пластиковая внутренняя отделка автомобиля и заклеенные прозрачной рекламой окна подсказывали, что он в такси. Заметив себя на мониторе приборной доски, он откашлялся и произнес:

– Алло?

– Доброе утро, сэр, – начал Хакер. – Не можете ли вы нам назваться?

Сев попрямее, тот подался вперед, устремив взгляд прямо в объектив.

– Меня зовут Виктор Паттерсон, – проговорил он медленно и чуточку громче, чем требовалось. – Пишется П-А-Т-Т-Е-Р-С-О-Н.

– Не могли бы вы чуточку рассказать о себе, мистер Паттерсон? – попросил Хакер.

– Мне семьдесят пять лет от роду, я печатник на пенсии. У меня трое детей и семеро внуков. Кто вы? Моя дочка дала машине неверный адрес?

– Судя по наградам, вы служили в вооруженных силах?

– О да, – с гордостью ответил Виктор. – 29-й полк коммандос Королевской артиллерии в Фолклендской войне, а затем два срока в Афганистане, пока не напоролся на мину.

– Прискорбно слышать. Вы не можете поведать мне, что случилось?

– А как по-твоему, что случается, когда напарываешься на мину, сынок? – хмыкнул тот. – Она оторвала мне руку и ногу на хрен. – Он постучал правой ладонью по правому колену, и обе конечности издали глухой стук. – Но жаловаться-то без толку, так? Просто живешь с этим дальше. И я насладился добрыми двумя десятками лет, водя автобусы, пока от всех нас не избавились.

– Кто от всех вас избавился?

– Муниципалитет, когда ввели беспилотные. Тогда ж какая нужда в таких, как я, верно?

– А куда вы направляетесь сегодня, мистер Паттерсон?

– Ну, меня забрало это такси и должно было доставить в госпиталь. А потом я начал слышать все эти голоса, говорящие мне об автокатастрофе, которая еще не произошла… Так что я чуточку сбит с толку.

– А зачем вам в госпиталь, простите мое любопытство?

– Радиотерапия, сынок. У меня рак простаты. Доктора говорят, что лечение подарит мне еще лет восемь-десять. Этого будет довольно.

Виктор напомнил Либби ее покойного деда – человека, которого она редко видела без улыбки на лице вплоть до смерти ее брата. Вскоре вслед за тем скончался и он. Она до сих пор помнит его, будто он ушел из жизни только вчера. То же самое и с каждым, кого она любила и утратила, словно помнит мертвых лучше, чем тех, кого они покинули. Либби сдвинула кольцо на пальце, на сей раз открыв таящуюся под ним татуировку. «Никки» – гласила надпись пятым кеглем. Еще одна, более длинная и кеглем побольше, была у нее на левой ключице – слова «Не тащи бремя мира на своих плечах» из ее любимой песни «Битлз»[7].

Внезапно изображение с камеры Виктора переключилось на внешнюю – очевидно, из машины, следовавшей за его авто по оживленной центральной улице города.

– Джек, – невозмутимо произнес Хакер, – помнишь, раньше я говорил тебе, что на каждое из твоих действий последует противодействие с моей стороны? Что ж, когда я прошу тебя не делать чего-то – скажем, не трогать мои камеры, – тебе лучше прислушиваться.

Без предупреждения авто Виктора взорвалось, внезапно обратившись в гигантский огненный шар с громадными плюмажами черного дыма и ярко-оранжевого пламени, взмывшими в утренние небеса.

[7] Цитата из песни Hey Jude, которая будет упомянута еще не раз.

Глава 17
София Брэдбери

FH FinancialHeadlines.com

Став обязательными, беспилотные мобили оказали на трудовые ресурсы Великобритании грандиозное влияние.

Новый отчет показывает, что в течение десятилетия в области автономных автомобилей будет создано 320 000 рабочих мест.
Однако ожидается, что при этом будет утрачено 270 000 рабочих мест водителей грузовиков, преподавателей курсов вождения, специалистов по авторемонту, парковщиков, парковочных инспекторов и водителей такси.

– Спецэффекты меня весьма впечатляют, – шепнула София своему песику Оскару. – Похоже, в это шоу инвестировали порядком средств.

Она с интересом наблюдала на своем мониторе, как авто Виктора «взорвалось». И почувствовала облегчение оттого, что один из ее соперников в этой реалити-телепрограмме, участником которой она себя сочла, вышел из игры настолько быстро. И закатила глаза, когда остальные соперники разразились воплями и матерщиной.

– Они малость переигрывают, не находишь? – Песик перекатился с боку на спину и пинал лапкой ее руку, пока она не принялась чесать ему пузико. – Интересно, а заплатят ли полный гонорар, если тебя забаллотировали всего через полчаса? Как-то несправедливо, если нет…

Оскар испустил тлетворный запах, и София наморщила нос.

– Порой ты просто отвратительная маленькая тварь, – проворчала она, нажимая на кнопку опускания стекла. Ничего не произошло. София закатила глаза, вспомнив, что теперь всем заправляют продюсеры «Звезд против Фортуны». – Должно быть, это ради реализма… наверное, если мы чувствуем себя пленниками, это усиливает накал.

Пошарив в сумочке, она извлекла почти пустой пузырек «Шанели № 5» и побрызгала им в салоне.

– И чего от меня ждут теперь? Я что, тоже должна верещать или просто сидеть здесь, ухмыляясь в камеру, как Чеширский Кот, пока авто не прикатит в студию?.. Это освещение чуточку резковато, правда?

Времена, когда люди специально спешили к телевизору, чтобы посмотреть определенную передачу, ушли в прошлое, и теперь, когда зрители смотрят, что хотят, когда хотят и как хотят, «Звезды против Фортуны» – настоящий феномен. Шоу в пух и прах разнесло конкурентов, заставляя знаменитостей проходить самые разные экзерсисы – от гонок «Формулы-1» до ассистирования хирургам во время реальных операций на живых людях. И ни малейшей фальсификации. И большинство участников выходят с той стороны с незапятнанными репутациями и популярностью, взмывшей до небес. Участие в нем вызвало у Софии трепет восторга.

Главное, к чему надо приспособиться, – это быть под прицелом объектива двадцать четыре часа в сутки на протяжении всей следующей недели. Прошло-то всего несколько минут, а она уже пробуксовывает, так что София переключилась со своего нормального бесстрастного лица на широкую улыбку, гадая, как выглядит на экране, потому что больше не видела себя

на мониторе приборной доски. От телевидения сверхвысокой четкости 8K выигрывают только зрители и пластические хирурги, а уж никак не актеры старше определенного возраста, как она.

Ее внимание вновь сосредоточилось на состязании, на прочих знаменитых конкурсантах. Но как она ни тужилась, привязать к их лицам имена никак не могла. И решила, что либо они работали в мылодрамах, которые она не смотрела, либо креатуры других телевизионных реалити-шоу – жанра, мыльный пузырь которого никак не лопнет, какую острую булавку ни возьми.

София пристально вслушивалась в мольбы выпустить их из машин и покачивала головой, весьма сомневаясь, что хоть кто-то из них вкалывал, как она, и вообще вряд ли отличит своих пинтеров от пиранделл[8].

– Они просто омерзительны, – шепнула она Оскару. – Не знаю, где их учили, но им следует требовать возмещения платы за курс актерского мастерства.

Поглядев за окно автомобиля, катившего по шоссе, не в силах угнаться за высокоскоростным суперпоездом на рельсах параллельно дороге, София задумалась, когда же ездила поездом сама, и остановила выбор на 1970-х, когда они с сестрой Пегги навострили лыжи в Ньюкасл, чтобы увидеть игру Ричарда Бёртона. Она была по уши влюблена в него с юных лет, и он ее не разочаровал, когда они впоследствии встретились за кулисами. О том, что разыгралось в той гримуборной, София ни словом не обмолвилась ни одной живой душе, даже Пегги. Даже теперь это воспоминание заставило ее виновато улыбнуться.

Без очков ей было не высмотреть место назначения на GPS-карте, но зато она хотя бы разглядела, что до него больше двух часов пути. Принялась ломать голову, где же расположена студия, и припомнила, насколько легче было, когда центром британской телевизионной индустрии был Лондон. Теперь же ради разнообразия студии раскиданы по всей стране, так что добраться до них куда труднее. Остается лишь надеяться, что Оскар дотянет до конца поездки без необходимости сделать перерыв по нужде. Да и сама она, коли уж на то пошло.

София ощутила, что ее бесстрастное лицо снова заняло свое место. Выудила из сумочки блеск для губ, наложила свежий слой, снова поглядела в камеру и одарила ее актерской улыбкой. Мизинцем пропихнула слуховые аппараты поглубже в каждое ухо в надежде, что, когда дадут новые инструкции, сумеет расслышать б*о*льшую часть из сказанного.

А заодно уповала по прибытии в студию узнать, что ее агент Руперт приобрел ей новый гардероб. Он знает, каким модельерам она благоволит, хоть они и больше не благоволят ей. Некогда они торопились, аж с ног падали, только бы облачить ее для дефиле по красной ковровой дорожке. Но с тех пор как ей пришлось уступить место на страницах газет более миловидным, стройным и юным версиям себя самой, они уже не рвутся расставаться со своими моделями, когда она не может гарантировать их освещение в СМИ…

Последний раз София посещала премьеру вместе с мужем Патриком в феврале. Название фильма уже выветрилось у нее из памяти, но лицо Патрика задержалось. Надо полагать, Руперт уже проинформировал его, куда она направляется и что она недоступна для связи. А может, его посвятили в секрет с самого начала… Уж ей ли не знать, как он поднаторел в хранении секретов, а в результате и она тоже. Вот уже сорок лет, как он сделал ее соучастницей.

Теперь же она получит столь необходимую передышку от него, снимаясь в «Звездах против Фортуны». Оборотная сторона медали в том, что и он волен творить, что вздумается, без надзора с ее стороны. София помолилась, чтобы Патрик был осмотрителен. За эти годы его промахи стоили ей кучи денег.

[8] Подразумеваются драматурги Гарольд Пинтер и Луиджи Пиранделло.

Глава 18
Джуд Харрисон

– Иисусе Христе! – выдохнул Джуд, когда Виктор Паттерсон погиб у него на глазах.

Ужас, охвативший остальных Пассажиров, ворвался сквозь динамики его авто вкупе с гамом из следственной комнаты. Мышцы живота скрутило, по телу волной прокатилась дурнота. Впрочем, за последние сутки у него маковой росинки во рту не было, так что и исторгнуться было практически нечему.

Джуд не мог оторвать глаз от экрана. Прямая трансляция с неопознанного второго автомобиля позади пылающего такси Виктора продолжалась. Мобиль затормозил и попытался обогнуть выросший впереди огненный шар. Но в уйме потенциальных угроз, реагировать на которые он был запрограммирован, автобомбы не числились. Он врезался в такси сзади, сминая капот в гармошку. Джуд услышал новые вопли – на сей раз из второй машины, – потом дверцы распахнулись, и ее Пассажиры выбрались наружу, подальше от опасности. А через считаные мгновения второй огненный шар поглотил и это авто, и трансляция разом оборвалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.